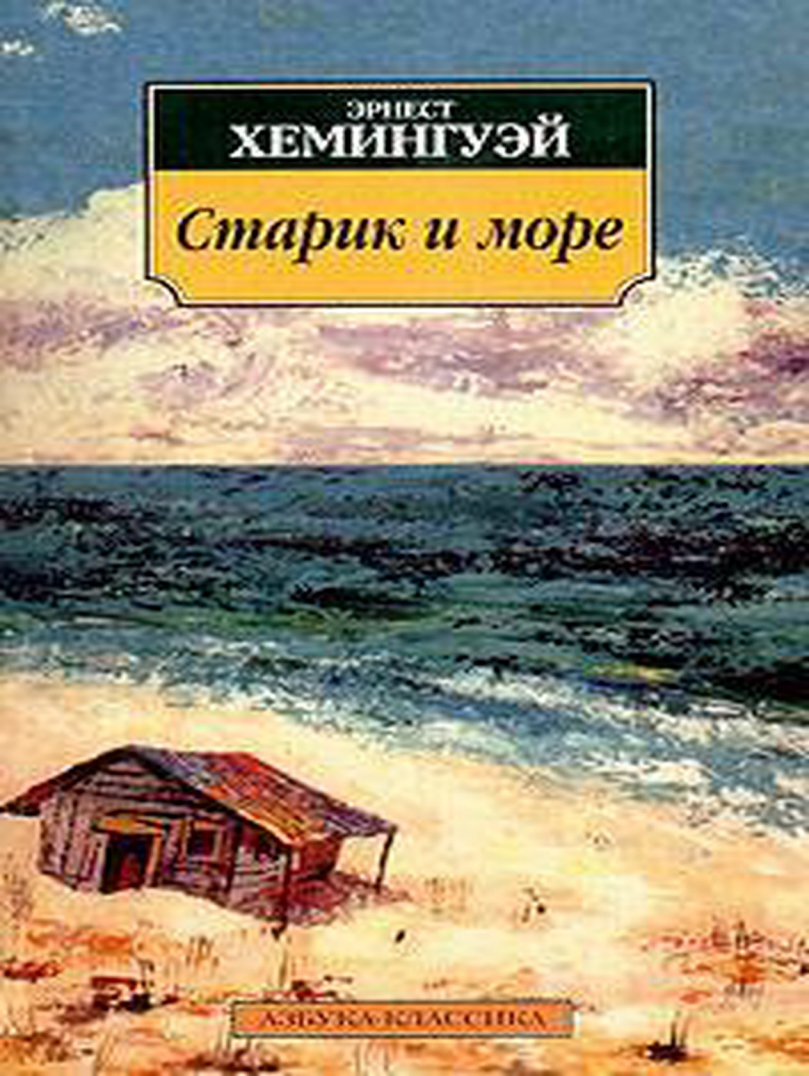

ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ
Старик и море
АЗБУКА-КЛАССИКА

Старик и море
Эрнест Миллер Хемингуэй

Аннотация
Эрнест Хемингуэй. Старик и море

Аннотация

Повесть Э.Хемингуэя "Старик и море", за которую автор получил в 1954 году Нобелевскую премию, уже давно стала современной классикой. История рыбака Сантьяго — это история нелегкого пути человека на земле, каждый день ведущего борьбу за жизнь и вместе с тем стремящегося сосуществовать в гармонии и согласии с миром, осознающего себя не одиночкой, как было в предыдущих произведениях писателя, а частицей огромного и прекрасного мира.

Эрнест Хемингуэй
Старик и море

Старик рыбачил один на своей лодке в Гольфстриме. Вот уже восемьдесят четыре дня он ходил в море и не поймал ни одной рыбы. Первые сорок дней с ним был мальчик. Но день за днем не приносил улова, и родители сказали мальчику, что старик теперь уже явно salao, то есть «самый что ни на есть невезучий», и велели ходить в море на другой лодке, которая действительно привезла три хорошие рыбы в первую же неделю. Мальчику тяжело было смотреть, как старик каждый день возвращается ни с чем, и он выходил на берег, чтобы помочь ему отнести домой снасти или багор, гарпун и обернутый вокруг мачты парус. Парус был весь в заплатах из мешковины и, свернутый, напоминал знамя наголову разбитого полка.

Старик был худ и изможден, затылок его прорезали глубокие морщины, а щеки были покрыты коричневыми пятнами неопасного кожного рака, который вызывают солнечные лучи, отраженные гладью тропического моря. Пятна спускались

по щекам до самой шеи, на руках виднелись глубокие шрамы, прорезанные бечевой, когда он вытаскивал крупную рыбу. Однако свежих шрамов не было. Они были стары, как трещины в давно уже безводной пустыне.

Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдается.

— Сантьяго, — сказал ему мальчик, когда они вдвоем поднимались по дороге от берега, где стояла на причале лодка, — теперь я опять могу пойти с тобой в море. Мы уже заработали немного денег.

Старик научил мальчика рыбачить, и мальчик его любил.

— Нет, — сказал старик, — ты попал на счастливую лодку. Оставайся на ней.

— А помнишь, один раз ты ходил в море целых восемьдесят семь дней и ничего не поймал, а потом мы три недели кряду каждый день привозили по большой рыбе.

— Помню, — сказал старик. — Я знаю, ты ушел от меня не потому, что не верил.

— Меня заставил отец, а я еще мальчик и должен слушаться.

— Знаю, — сказал старик. — Как же иначе.

— Он-то не очень верит.

— Да, — сказал старик. — А вот мы верим. Правда?

— Конечно. Хочешь, я угощу тебя пивом на Террасе? А потом мы отнесем домой снасти.

— Ну что ж, — сказал старик. — Ежели рыбак подносит рыбаку…

Они уселись на Террасе, и многие рыбаки подсмеивались над стариком, но он не был на них в обиде. Рыбакам постарше было грустно на него глядеть, однако они не показывали виду и вели вежливый разговор о течении, и о том, на какую глубину они забрасывали леску, и как держится погода, и что они видели в море. Те, кому в этот день повезло, уже вернулись с лова, выпотрошили своих марлинов и, взвалив их поперек двух досок, взявшись по двое за каждый конец доски, перетащили рыбу на рыбный склад, откуда ее должны были отвезти в рефрижераторе на рынок в Гавану. Рыбаки, которым попались акулы, сдали их на завод по разделке акул на другой стороне бухты.

Там туши подвесили на блоках, вынули из них печенку, вырезали плавники, содрали кожу и нарезали мясо тонкими пластинками для засола.

Когда ветер дул с востока, он приносил вонь

с акульей фабрики; но сегодня запаха почти не было слышно, потому что ветер переменился на северный, а потом стих, и на Террасе было солнечно и приятно.

— Сантьяго, — сказал мальчик.

— Да? — откликнулся старик. Он смотрел на свой стакан с пивом и вспоминал давно минувшие дни.

— Можно, я наловлю тебе на завтра сардин?

— Не стоит. Поиграй лучше в бейсбол. Я еще сам могу грести, а Роджелио забросит сети.

— Нет, дай лучше мне. Если мне нельзя с тобой рыбачить, я хочу помочь тебе хоть чем-нибудь.

— Да ведь ты угостил меня пивом, — сказал старик. — Ты уже взрослый мужчина.

— Сколько мне было лет, когда ты первый раз взял меня в море?

— Пять, и ты чуть было не погиб, когда я втащил в лодку совсем еще живую рыбу и она чуть не разнесла все в щепки, помнишь?

— Помню, как она била хвостом и сломала банку и как ты громко колотил ее дубинкой. Помню, ты швырнул меня на нос, где лежали мокрые снасти, а лодка вся дрожала, и твоя дубинка стучала, словно рубили дерево, и кругом стоял приторный запах крови.

— Ты правда все это помнишь, или я тебе потом рассказывал?

— Я помню все с самого первого дня, когда ты взял меня в море.

Старик поглядел на него воспаленными от солнца, доверчивыми и любящими глазами:

— Если бы ты был моим сыном, я бы и сейчас рискнул взять тебя с собой. Но у тебя есть отец и мать и ты попал на счастливую лодку.

— Давай я все-таки схожу за сардинами. И я знаю, где можно достать четырех живцов.

— У меня еще целы сегодняшние. Я положил их в ящик с солью.

— Я достану тебе четырех свежих.

— Одного, — возразил старик.

Он и так никогда не терял ни надежды, ни веры в будущее, но теперь они крепли в его сердце, словно с моря подул свежий ветер.

— Двух, — сказал мальчик.

— Ладно, двух, — сдался старик. — А ты их, часом, не стащил?

— Стащил бы, если бы понадобилось. Но я их купил.

— Спасибо, — сказал старик.

Он был слишком простодушен, чтобы задуматься о том, когда пришло к нему смирение.

Но он знал, что смирение пришло, не принеся с собой ни позора, ни утраты человеческого достоинства.

— Если течение не переменится, завтра будет хороший день, — сказал старик.

— Ты где будешь ловить?

— Подальше от берега, а вернусь, когда переменится ветер. Выйду до рассвета.

— Надо будет уговорить моего тоже отойти подальше. Если тебе попадется очень большая рыба, мы тебе поможем.

— Твой не любит уходить слишком далеко от берега.

— Да, — сказал мальчик. — Но я уж высмотрю что-нибудь такое, чего он не сможет разглядеть, — ну хотя бы чаек. Тогда его можно будет уговорить отойти подальше за золотой макрелью.

— Неужели у него так плохо с глазами?

— Почти совсем ослеп.

— Странно. Он ведь никогда не ходил за черепахами. От них-то всего больше и слепнешь.

— Но ты столько лет ходил за черепахами к Москитному берегу, а глаза у тебя в порядке.

— Я — не обыкновенный старик.

— А сил у тебя хватит, если попадется очень

большая рыба?

— Думаю, что хватит. Тут главное — сноровка.

— Давай отнесем домой снасти. А потом я возьму сеть и схожу за сардинами.

Они вытащили из лодки снасти. Старик нес на плече мачту, а мальчик — деревянный ящик с мотками туго сплетенной коричневой лесы, багор и гарпун с рукояткой. Ящик с наживкой остался на корме вместе с дубинкой, которой глушат крупную рыбу, когда ее вытаскивают на поверхность. Вряд ли кто вздумал бы обокрасть старика, но лучше было отнести парус и тяжелые снасти домой, чтобы они не отсырели от росы. И хотя старик был уверен, что никто из местных жителей не позарится на его добро, он все-таки предпочитал убирать от греха багор, да и гарпун тоже.

Они поднялись по дороге к хижине старика и вошли в дверь, растворенную настежь. Старик прислонил мачту с обернутым вокруг нее парусом к стене, а мальчик положил рядом снасти. Мачта была почти такой же длины, как хижина, выстроенная из листьев королевской пальмы, которую здесь зовут guano. В хижине были кровать, стол и стул и в глинобитном полу — выемка, чтобы стряпать пищу на древесном

угле. Коричневые стены, сложенные из спрессованных волокнистых листьев, были украшены цветными олеографиями Сердца господня и Santa María del Cobre. Они достались ему от покойной жены. Когда-то на стене висела и раскрашенная фотография самой жены, но потом старик ее спрятал, потому что смотреть на нее было уж очень тоскливо. Теперь фотография лежала на полке в углу, под чистой рубахой.

— Что у тебя на ужин? — спросил мальчик.

— Миска желтого риса с рыбой. Хочешь?

— Нет, я поем дома. Развести тебе огонь?

— Не надо. Я сам разведу попозже. А может, буду есть рис так, холодный.

— Можно взять сеть?

— Конечно.

Никакой сети давно не было — мальчик помнил, когда они ее продали. Однако оба каждый день делали вид, будто сеть у старика есть. Не было и миски с желтым рисом и рыбой, и это мальчик знал тоже.

— Восемьдесят пять — счастливое число, — сказал старик. — А ну как я завтра поймаю рыбу в тысячу фунтов?

— Я достану сеть и схожу за сардинами. Посиди покуда на пороге, тут солнышко.

— Ладно. У меня есть вчерашняя газета. Почитаю про бейсбол.

Мальчик не знал, есть ли у старика на самом деле газета или это тоже выдумка. Но старик и вправду вытащил газету из-под кровати.

— Мне ее дал Перико в винной лавке, — объяснил старик.

— Я только наловлю сардин и вернусь. Положу и мои и твои вместе на лед, утром поделимся. Когда я вернусь, ты расскажешь мне про бейсбол.

— «Янки» не могут проиграть.

— Как бы их не побили кливлендские «Индейцы»!

— Не бойся, сынок. Вспомни о великом Ди Маджио.

— Я боюсь не только «Индейцев», но и «Тигров» из Детройта.

— Ты, чего доброго, скоро будешь бояться и «Краснокожих» из Цинциннати, и чикагских «Белых чулок».

— Почитай газету и расскажи мне, когда я вернусь.

— А что, если нам купить лотерейный билет с цифрой восемьдесят пять? Завтра ведь восемьдесят пятый день.

— Почему не купить? — сказал мальчик. — А

может, лучше с цифрой восемьдесят семь? Ведь в прошлый раз было восемьдесят семь дней.

— Два раза ничего не повторяется. А ты сможешь достать билет с цифрой восемьдесят пять?

— Закажу.

— Одинарный. За два доллара пятьдесят. Где бы нам их занять?

— Пустяки! Я всегда могу занять два доллара пятьдесят.

— Я, наверно, тоже мог бы. Только я стараюсь не брать в долг. Сначала просишь в долг, потом просишь милостыню…

— Смотри не простудись, старик. Не забудь, что на дворе сентябрь.

— В сентябре идет крупная рыба. Каждый умеет рыбачить в мае.

— Ну, я пошел за сардинами, — сказал мальчик.

Когда мальчик вернулся, солнце уже зашло, а старик спал, сидя на стуле. Мальчик снял с кровати старое солдатское одеяло и прикрыл им спинку стула и плечи старика. Это были удивительные плечи — могучие, несмотря на старость, да и шея была сильная, и теперь, когда старик спал, уронив голову на грудь, морщины были не так заметны. Рубаха его была такая же латаная-

перелатаная, как и парус, а заплаты были разных оттенков, потому что неровно выгорели на солнце. Однако лицо у старика было все же очень старое, и теперь, во сне, с закрытыми глазами, оно казалось совсем неживым. Газета лежала у него на коленях, прижатая локтем, чтобы ее не сдуло. Ноги были босы.

Мальчик не стал его будить и ушел, а когда он вернулся снова, старик все еще спал.

— Проснись! — позвал его мальчик и положил ему руку на колено.

Старик открыл глаза и несколько мгновений возвращался откуда-то издалека. Потом он улыбнулся.

— Что ты принес?

— Ужин. Сейчас мы будем есть.

— Да я не так уж голоден.

— Давай есть. Нельзя ловить рыбу не евши.

— Мне случалось, — сказал старик, поднимаясь и складывая газету; потом он стал складывать одеяло.

— Не снимай одеяла, — сказал мальчик. — Покуда я жив, я не дам тебе ловить рыбу не евши.

— Тогда береги себя и живи как можно дольше, — сказал старик. — А что мы будем есть?

— Черные бобы с рисом, жареные бананы и

тушеную говядину.

Мальчик принес еду в металлических судках из ресторанчика на Террасе. Вилки, ножи и ложки он положил в карман; каждый прибор был завернут отдельно в бумажную салфетку.

— Кто тебе все это дал?

— Мартин, хозяин ресторана.

— Надо его поблагодарить.

— Я его поблагодарил, — сказал мальчик, — уж ты не беспокойся.

— Дам ему самую мясистую часть большой рыбы, — сказал старик. — Ведь он помогает нам не первый раз?

— Нет, не первый.

— Тогда одной мясистой части будет мало. Он нам сделал много добра.

— А вот сегодня дал еще и пива.

— Я-то больше всего люблю консервированное пиво.

— Знаю. Но сегодня он дал пиво в бутылках. Бутылки я сдам обратно.

— Ну, спасибо тебе, — сказал старик. — Давай есть?

— Я тебе давно предлагаю поесть, — ласково упрекнул его мальчик. — Все жду, когда ты сядешь за стол, и не открываю судков, чтобы еда

не остыла.

— Давай. Мне ведь надо было помыться. «Где ты мог помыться?» — подумал мальчик. До колонки было два квартала. «Надо припасти ему воды, мыла и хорошее полотенце. Как я раньше об этом не подумал? Ему нужна новая рубашка, зимняя куртка, какая-нибудь обувь и еще одно одеяло».

— Вкусное мясо, — похвалил старик.

— Расскажи мне про бейсбол, — попросил его мальчик.

— В Американской лиге выигрывают «Янки», как я и говорил, — с довольным видом начал старик.

— Да, но сегодня их побили.

— Это ничего. Зато великий Ди Маджио опять в форме.

— Он не один в команде.

— Верно. Но он решает исход игры. Во второй лиге — Бруклинцев и Филадельфийцев — шансы есть только у Бруклинцев. Впрочем, ты помнишь, как бил Дик Сайзлер? Какие у него были удары, когда он играл там, в Старом парке!

— Высокий класс! Он бьет дальше всех.

— Помнишь, он приходил на Террасу? Мне хотелось пригласить его с собой порыбачить, но я постеснялся. Я просил тебя его пригласить, но и

ты тоже постеснялся.

— Помню. Глупо, что я струсил. А вдруг бы он согласился? Было бы о чем вспоминать до самой смерти!

— Вот бы взять с собой в море великого Ди Маджио, — сказал старик. — Говорят, отец у него был рыбаком. Кто его знает, может, он и сам когда-то был беден, как мы, и не погнушался бы.

— Отец великого Сайзлера никогда не был бедняком. Он играл в настоящих командах, когда ему было столько лет, сколько мне.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе, я плавал юнгой на паруснике к берегам Африки. По вечерам я видел, как на отмели выходят львы.

— Ты мне рассказывал.

— О чем мы будем разговаривать: об Африке или о бейсболе?

— Лучше о бейсболе. Расскажи мне про великого Джона Мак-Гроу.

— Он тоже в прежние времена захаживал к нам на Террасу. Но когда напивался, с ним не было сладу. А в голове у него был не только бейсбол, но и лошади. Вечно таскал в карманах программы бегов и называл имена лошадей по телефону.

— Он был великий тренер, — сказал мальчик. — Отец говорит, что он был самый великий

тренер на свете.

— Потому что он видел его чаще других. Если бы и Дюроше приезжал к нам каждый год, твой отец считал бы его самым великим тренером на свете.

— А кто, по-твоему, самый великий тренер? Люк или Майк Гонсалес?

— По-моему, они стоят друг друга.

— А самый лучший рыбак на свете — это ты.

— Нет. Я знавал рыбаков и получше.

— Qué va![1] — сказал мальчик. — На свете немало хороших рыбаков, есть и просто замечательные. Но таких, как ты, нету нигде.

— Спасибо. Я рад, что ты так думаешь. Надеюсь, мне не попадется чересчур большая рыба, а то ты еще во мне разочаруешься.

— Нет на свете такой рыбы, если у тебя и вправду осталась прежняя сила.

— Может, ее у меня и меньше, чем я думаю. Но сноровка у меня есть и выдержки хватит.

— Ты теперь ложись спать, чтобы к утру набраться сил. А я отнесу посуду.

— Ладно. Спокойной ночи. Утром я тебя разбужу.

---

[1] Примечания: 1

Что ты! *(исп.).*

— Ты для меня все равно что будильник, — сказал мальчик.

— А мой будильник — старость. Отчего старики так рано просыпаются? Неужели для того, чтобы продлить себе хотя бы этот день?

— Не знаю. Знаю только, что молодые спят долго и крепко.

— Это я помню, — сказал старик. — Я разбужу тебя вовремя.

— Я почему-то не люблю, когда меня будит тот, другой. Как будто я хуже его.

— Понимаю.

— Спокойной ночи, старик.

Мальчик ушел. Они ели, не зажигая света, и теперь старик, сняв штаны, лег спать в темноте. Он скатал их, чтобы положить себе под голову вместо подушки, а в сверток сунул еще и газету. Завернувшись в одеяло, он улегся на старые газеты, которыми были прикрыты голые пружины кровати.

Уснул он быстро, и ему снилась Африка его юности, длинные золотистые ее берега и белые отмели — такие белые, что глазам больно, — высокие утесы и громадные бурые горы. Каждую ночь он теперь вновь приставал к этим берегам, слышал во сне, как ревет прибой, и видел, как

несет на сушу лодки туземцев. Во сне он снова вдыхал запах смолы и пакли, который шел от палубы, вдыхал запах Африки, принесенный с берега утренним ветром.

Обычно, когда его настигал этот запах, он просыпался и, одевшись, отправлялся будить мальчика. Но сегодня запах берега настиг его очень рано, он понял, что слышит его во сне, и продолжал спать, чтобы увидеть белые верхушки утесов, встающие из моря, гавани и бухты Канарских островов.

Ему теперь уже больше не снились ни бури, ни женщины, ни великие события, ни огромные рыбы, ни драки, ни состязания в силе, ни жена. Ему снились только далекие страны и львята, выходящие на берег. Словно котята, они резвились в сумеречной мгле, и он любил их так же, как любил мальчика. Но мальчик ему никогда не снился. Старик вдруг проснулся, взглянул через отворенную дверь на луну, развернул свои штаны и надел их. Выйдя из хижины, он помочился и пошел вверх по дороге будить мальчика. Его познабливало от утренней свежести. Но он знал, что озноб пройдет, а скоро он сядет на весла и совсем согреется.

Дверь дома, где жил мальчик, была открыта,

и старик вошел, неслышно ступая босыми ногами. Мальчик спал на койке в первой комнате, и старик мог разглядеть его при ущербном свете луны. Он легонько ухватил его за ногу и держал до тех пор, пока мальчик не проснулся и, перевернувшись на спину, не поглядел на него. Старик кивнул ему; мальчик взял штаны со стула подле кровати и, сидя, натянул их.

Старик вышел из дома, и мальчик последовал за ним. Он все еще никак не мог проснуться, и старик, обняв его за плечи, сказал:

— Прости меня.

— Qué va! — ответил мальчик. — Такова уж наша мужская доля. Что поделаешь.

Они пошли вниз по дороге к хижине старика, и по всей дороге в темноте шли босые люди, таща мачты со своих лодок.

Придя в хижину, мальчик взял корзину с мотками лески, гарпун и багор, а старик взвалил на плечо мачту с обернутым вокруг нее парусом.

— Хочешь кофе? — спросил мальчик.

— Сначала положим снасти в лодку, а потом выпьем кофе.

Они пили кофе из консервных банок в закусочной, которая обслуживала рыбаков и открывалась очень рано.

— Ты хорошо спал, старик? — спросил мальчик; он уже почти совсем проснулся, хотя ему все еще трудно было расстаться со сном.

— Очень хорошо, Манолин. Сегодня я верю в удачу.

— И я, — сказал мальчик. — Теперь я схожу за нашими сардинами и за твоими живцами. Мой таскает свои снасти сам. Он не любит, когда его вещи носят другие.

— А у нас с тобой не так. Я давал тебе таскать снасти чуть не с пяти лет.

— Знаю, — сказал мальчик. — Подожди, я сейчас вернусь. Выпей еще кофе. Нам здесь дают в долг.

Он зашлепал босыми ногами по коралловому рифу к холодильнику, где хранились живцы.

Старик медленно потягивал кофе. Он знал, что надо напиться кофе как следует, потому что больше он сегодня есть не будет. Ему давно уже прискучил процесс еды, и он никогда не брал с собой в море завтрака. На носу лодки хранилась бутылка с водой — вот и все, что ему понадобится до вечера.

Мальчик вернулся, неся сардины и завернутых в газету живцов.

Они спустились по тропинке к воде, чувствуя,

как осыпается под ногами мелкий гравий. Приподняв лодку, они сдвинули ее в воду.

— Желаю тебе удачи, старик.

— И тебе тоже.

Старик надел веревочные петли весел на колышки уключин и, наклонившись вперед, стал в темноте выводить лодку из гавани. С других отмелей в море выходили другие лодки, и старик хоть и не видел их теперь, когда луна зашла за холмы, но слышал, как опускаются и загребают воду весла.

Время от времени то в одной, то в другой лодке слышался говор. Но на большей части лодок царило молчание, и доносился лишь плеск весел. Выйдя из бухты, лодки рассеялись в разные стороны, и каждый рыбак направился туда, где он надеялся найти рыбу. Старик заранее решил, что уйдет далеко от берега; он оставил позади себя запахи земли и греб прямо в свежее утреннее дыхание океана. Проплывая над той его частью, которую рыбаки прозвали «великим колодцем», он видел, как светятся в глубине водоросли. Дно в этом месте круто опускается на целых семьсот морских саженей, и здесь собираются всевозможные рыбы, потому что течение, натолкнувшись на крутые откосы океанского дна, образует водо-

ворот. Тут скапливаются огромные стаи креветок и мелкой рыбешки, а на самых больших глубинах порою толпится множество каракатиц; ночью они поднимаются на поверхность и служат пищей для всех бродячих рыб.

В темноте старик чувствовал приближение утра; загребая веслами, он слышал дрожащий звук — это летучая рыба выходила из воды и уносилась прочь, со свистом рассекая воздух жесткими крыльями. Он питал нежную привязанность к летучим рыбам — они были его лучшими друзьями здесь, в океане. Птиц он жалел, особенно маленьких и хрупких морских ласточек, которые вечно летают в поисках пищи и почти никогда ее не находят, и он думал: «Птичья жизнь много тяжелее нашей, если не считать стервятников и больших, сильных птиц. Зачем птиц создали такими хрупкими и беспомощными, как вот эти морские ласточки, если океан порой бывает так жесток? Он добр и прекрасен, но иногда он вдруг становится таким жестоким, а птицы, которые летают над ним, ныряя за пищей и перекликаясь слабыми, печальными голосами, — они слишком хрупки для него».

Мысленно он всегда звал море la mar, как зовут его по-испански люди, которые его любят.

Порою те, кто его любит, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буями вместо поплавков для своих снастей и ходит на моторных лодках, купленных в те дни, когда акулья печенка была в большой цене, называют море el mar, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, — что поделаешь, такова уж ее природа. «Луна волнует море, как женщину», — думал старик.

Он мерно греб, не напрягая сил, потому что поверхность океана была гладкой, за исключением тех мест, где течение образовывало водоворот. Старик давал течению выполнять за себя треть работы, и когда стало светать, он увидел, что находится куда дальше, чем надеялся быть в этот час.

«Я рыбачил в глубинных местах целую неделю и ничего не поймал, — подумал старик. — Сегодня я попытаю счастья там, где ходят стаи бонито и альбакоре. Вдруг там плавает и большая рыба?»

Еще не рассвело, а он уже закинул свои крючки

с приманкой и медленно поплыл по течению. Один из живцов находился на глубине сорока морских саженей, другой ушел вниз на семьдесят пять, а третий и четвертый погрузились в голубую воду на сто и сто двадцать пять саженей. Живцы висели головою вниз, причем стержень крючка проходил внутри рыбы и был накрепко завязан и зашит, сам же крючок — его изгиб и острие — были унизаны свежими сардинами. Сардины были нанизаны на крючок через оба глаза, образуя гирлянду на стальном полукружье крючка. Приблизившись к крючку, большая рыба почувствовала бы, как сладко и аппетитно пахнет каждый его кусочек.

Мальчик дал старику с собой двух свежих тунцов, которых тот наживил на самые длинные лесы, а к двум остальным прицепил большую голубую макрель и желтую умбрицу. Он ими уже пользовался в прошлый раз, однако они все еще были в хорошем состоянии, а отличные сардины придавали им аромат и заманчивость. Каждая леса толщиной с большой карандаш была закинута на гибкий прут так, чтобы любое прикосновение рыбы к наживке заставило прут пригнуться к воде, и была подвязана к двум запасным моткам лесы по сорок саженей в каждом, которые, в

свою очередь, могли быть соединены с другими запасными мотками, так что при надобности рыбу можно было опустить больше чем на триста саженей.

Теперь старик наблюдал, не пригибаются ли к борту зеленые прутья, и тихонечко греб, следя за тем, чтобы леса уходила в воду прямо и на должную глубину. Стало уже совсем светло, вот-вот должно было взойти солнце.

Солнце едва приметно поднялось из моря, и старику стали видны другие лодки; они низко сидели в воде по всей ширине течения, но гораздо ближе к берегу. Потом солнечный свет стал ярче и вода отразила его сияние, а когда солнце совсем поднялось над горизонтом, гладкая поверхность моря стала отбрасывать его лучи прямо в глаза, причиняя резкую боль, и старик греб, стараясь не глядеть на воду. Он смотрел в темную глубь моря, куда уходили его лески. У него они всегда уходили в воду прямее, чем у других рыбаков, и рыбу на разных глубинах ожидала в темноте приманка на том самом месте, которое он для нее определил. Другие рыбаки позволяли своим снастям плыть по течению, и порою они оказывались на глубине в шестьдесят саженей, когда рыбаки считали, что опустили их на сто.

«Я же, — подумал старик, — всегда закидываю свои снасти точно. Мне просто не везет. Однако кто знает? Может, сегодня счастье мне улыбнется. День на день не приходится. Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

Солнце поднималось уже два часа, и глядеть на восток было не так больно. Теперь видны были только три лодки; отсюда казалось, что они совсем низко сидят в воде и почти не отошли от берега.

«Всю жизнь у меня резало глаза от утреннего света, — думал старик. — Но видят они еще хорошо. Вечером я могу смотреть прямо на солнце, и черные пятна не мелькают у меня перед глазами. А вечером солнце светит куда сильнее. Но по утрам оно причиняет мне боль».

В это самое время он заметил птицу-фрегата, которая кружила впереди него в небе, распластав длинные черные крылья. Птица круто сорвалась к воде, закинув назад крылья, а потом снова пошла кругами.

— Почуяла добычу, — сказал старик вслух. — Не просто кружит.

Старик медленно и мерно греб в ту сторону, где

кружила птица. Не торопясь он следил за тем, чтобы его лесы под прямым углом уходили в воду. Однако лодка все же слегка обгоняла течение, и хотя старик удил все так же правильно, движения его были чуточку быстрее, чем прежде, до появления птицы.

Фрегат поднялся выше и снова стал делать круги, неподвижно раскинув крылья. Внезапно он нырнул, и старик увидел, как из воды взметнулась летучая рыба и отчаянно понеслась над водной гладью.

— Макрель, — громко произнес старик. — Крупная золотая макрель.

Он вынул из воды весла и достал из-под носового настила леску. На конце ее был прикручен проволокой небольшой крючок, на который он насадил одну из сардинок. Старик опустил леску в воду и привязал ее к кольцу, ввинченному в корму. Потом он насадил наживку на другую леску и оставил ее смотанной в тени под настилом. Взяв в руки весла, он снова стал наблюдать за длиннокрылой черной птицей, которая охотилась теперь низко над водой.

Птица опять нырнула в воду, закинув за спину крылья, а потом замахала ими суматошно и беспомощно, погнавшись за летучей рыбой.

Старик видел, как вода слегка вздымалась, — это золотая макрель преследовала убегавшую от нее рыбу. Макрель плыла ей наперерез с большой скоростью, чтобы оказаться как раз под рыбой в тот миг, когда она опустится в воду.

«Там, видно, большая стая макрели, — подумал старик. — Они плывут поодаль друг от друга, и у рыбы мало шансов спастись. У птицы же нет никакой надежды ее поймать. Летучая рыба слишком крупная для фрегата и движется слишком быстро».

Старик следил за тем, как летучая рыба снова и снова вырывалась из воды и как неловко пыталась поймать ее птица. «Макрель ушла от меня, — подумал старик. — Она уплывает слишком быстро и слишком далеко. Но, может быть, мне попадется макрель, отбившаяся от стаи, а может, поблизости от нее плывет и моя большая рыба? Ведь должна же она где-нибудь плыть».

Облака над землей возвышались теперь, как горная гряда, а берег казался длинной зеленой полоской, позади которой вырисовывались серо-голубые холмы. Вода стала темно-синей, почти фиолетовой. Когда старик глядел в воду, он видел красноватые переливы планктона в темной глубине и причудливый отсвет солнечных лучей.

Он следил за тем, прямо ли уходят в воду его лески, и радовался, что кругом столько планктона, потому что это сулило рыбу. Причудливое отражение лучей в воде теперь, когда солнце поднялось выше, означало хорошую погоду, так же как и форма облаков, висевших над землей. Однако птица была уже далеко, а на поверхности воды не виднелось ничего, кроме пучков желтых, выгоревших на солнце саргассовых водорослей и лиловатого, переливчатого студенистого пузыря — португальской физалии, плывшей неподалеку от лодки. Физалия перевернулась на бок, потом приняла прежнее положение. Она плыла весело, сверкая на солнце, как мыльный пузырь, и волочила за собой по воде на целый ярд свои длинные смертоносные лиловые щупальца.

— Ах ты сука! — сказал старик.

Легко загребая веслами, он заглянул в глубину и увидел там крошечных рыбешек, окрашенных в тот же цвет, что и влачащиеся в воде щупальца; они плавали между ними и в тени уносимого водой пузыря. Яд его не мог причинить им вреда. Другое дело людям: когда такие вот щупальца цеплялись за леску и приставали к ней, склизкие и лиловатые, пока старик вытаскивал рыбу, руки до локтей покрывались язвами, словно от ожога

ядовитым плющом. Отравление наступало быстро и пронзало острой болью, как удар бича.

Переливающиеся радугой пузыри необычайно красивы. Но это самые коварные жители моря, и старик любил смотреть, как их пожирают громадные морские черепахи. Завидев физалий, черепахи приближались к ним спереди, закрыв глаза, что делало их совершенно неуязвимыми, а затем поедали физалий целиком, вместе со щупальцами. Старику нравилось смотреть, как черепахи поедают физалий; он любил и сам ступать по ним на берегу после шторма, прислушиваясь, как лопаются пузыри, когда их давит мозолистая подошва.

Он любил зеленых черепах за их изящество и проворство, а также за то, что они так дорого ценились, и питал снисходительное презрение к одетым в желтую броню неуклюжим и глупым биссам, прихотливым в любовных делах и поедающим с закрытыми глазами португальских физалий.

Он не испытывал к черепахам суеверного страха, хотя и плавал с охотниками за черепахами много лет кряду. Старик жалел их, даже огромных кожистых черепах, называемых луты, длиною в целую лодку и весом в тонну.

Большинство людей бессердечно относятся к черепахам, ведь черепашье сердце бьется еще долго после того, как животное убьют и разрежут на куски. «Но ведь и у меня, — думал старик, — такое же сердце, а мои ноги и руки так похожи на их лапы». Он ел белые черепашьи яйца, чтобы придать себе силы. Он ел их весь май, чтобы быть сильным в сентябре и октябре, когда пойдет по-настоящему большая рыба.

Каждый день старик выпивал также по чашке жира из акульей печенки, который хранился в большой бочке в том сарае, где многие рыбаки берегли свои снасти. Жиром мог пользоваться любой рыбак, кто бы ни захотел. Большинству рыбаков вкус этого жира казался отвратительным, но пить его было отнюдь не противнее, чем затемно подниматься с постели, а он очень помогал от простуды и был полезен для глаз.

Старик поглядел на небо и увидел, что фрегат снова закружил над морем.

— Нашел рыбу, — сказал он вслух.

Ни одна летучая рыба не тревожила водную гладь, не было заметно кругом и мелкой рыбешки. Но старик вдруг увидел, как в воздух поднялся небольшой тунец, перевернулся на лету и головой вниз снова ушел в море.

Тунец блеснул серебром на солнце, а за ним поднялись другие тунцы и запрыгали во все стороны, вспенивая воду и длинными бросками кидаясь на мелкую рыбешку. Они кружили подле нее и гнали ее перед собой.

«Если они не поплывут слишком быстро, я нагоню всю стаю», — подумал старик, наблюдая за тем, как тунцы взбивают воду добела, а фрегат ныряет, хватая рыбешку, которую страх перед тунцами выгнал на поверхность.

— Птица — верный помощник рыбаку, — сказал старик.

В этот миг короткая леска, опущенная с кормы, натянулась под ногой, которой он придерживал один ее виток; старик бросил весла и, крепко ухватив конец бечевы, стал выбирать ее, чувствуя вес небольшого тунца, который судорожно дергал крючок. Леска дергалась у него в руках все сильнее, и он увидел голубую спинку и отливающие золотом бока рыбы еще до того, как подтянул ее к самой лодке и перекинул через борт.

Тунец лежал у кормы на солнце, плотный, словно литая пуля, и, вытаращив большие бессмысленные глаза, прощался с жизнью под судорожные удары аккуратного, подвижного хвоста. Старик из жалости убил его ударом по

голове и, еще трепещущего, отшвырнул ногой в тень под кормовой настил.

— Альбакоре, — сказал он вслух. — Из него выйдет прекрасная наживка. Веса в нем фунтов десять, не меньше.

Старик уже не мог припомнить, когда он впервые стал разговаривать сам с собою вслух. Прежде, оставшись один, он пел; он пел иногда и ночью, стоя на вахте, когда ходил на больших парусниках или охотился за черепахами. Наверно, он стал разговаривать вслух, когда от него ушел мальчик и он остался совсем один. Теперь он уже не помнил. Но ведь и рыбача с мальчиком, они разговаривали только тогда, когда это было необходимо. Разговаривали ночью или во время вынужденного безделья в непогоду. В море не принято разговаривать без особой нужды. Старик сам считал, что это дурно, и уважал обычай. А вот теперь он по многу раз повторял свои мысли вслух — ведь они никому не могли быть в тягость.

— Если бы кто-нибудь послушал, как я разговариваю сам с собой, он решил бы, что я спятил, — сказал старик. — Но раз я не спятил, кому какое дело? Хорошо богатым: у них есть радио, которое может разговаривать с ними в лодке и рассказы-

вать им новости про бейсбол.

— Теперь не время думать про бейсбол, — сказал себе старик. — Теперь время думать только об одном. О том, для чего я родился. Где-нибудь рядом с этим косяком тунцов, может быть, плывет моя большая рыба. Я ведь поймал только одного альбакоре, да и то отбившегося от стаи. А они охотятся далеко от берега и плывут очень быстро. Все, что встречается сегодня в море, движется очень быстро и на северо-восток. Может быть, так всегда бывает в это время дня? А может, это к перемене погоды, и я просто не знаю такой приметы?

Старик уже больше не видел зеленой береговой полосы; вдали вырисовывались лишь верхушки голубых холмов, которые отсюда казались белыми, словно были одеты снегом. Облака над ними тоже были похожи на высокие снежные горы. Море стало очень темным, и солнечные лучи преломлялись в воде. Бесчисленные искры планктона теперь были погашены солнцем, стоящим в зените, и в темно-синей воде старик видел лишь большие радужные пятна от преломлявшихся в ней солнечных лучей да бечевки, прямо уходящие в глубину, которая достигала здесь целой мили.

Тунцы — рыбаки звали всех рыб этой породы тунцами и различали их настоящие имена лишь тогда, когда шли их продавать на рынок или сбывали как наживку, — снова ушли в глубину. Солнце припекало, и старик чувствовал, как оно жжет ему затылок. Пот струйками стекал по спине, когда он греб.

«Я мог бы пойти по течению, — подумал старик, — и поспать, привязав леску к большому пальцу ноги, чтобы вовремя проснуться. Но сегодня восемьдесят пятый день, и надо быть начеку».

И как раз в этот миг он заметил, как одно из зеленых удилищ дрогнуло и пригнулось к воде.

— Ну вот, — сказал он. — Вот! — И вытащил из воды весла, стараясь не потревожить лодку.

Старик потянулся к леске и тихонько захватил ее большим и указательным пальцами правой руки. Он не чувствовал ни напряжения, ни тяги и держал леску легко, не сжимая. Но вот она дрогнула снова. На этот раз рывок был осторожный и не сильный, и старик в точности знал, что это означает. На глубине в сто морских саженей марлин пожирал сардины, которыми были унизаны острие и полукружие крючка, там, где этот выкованный вручную крючок вылезал из головы

небольшого тунца.

Старик, легонько придерживая бечеву, левой рукой осторожно отвязал ее от удилища. Теперь она могла незаметно для рыбы скользить у него между пальцами.

«Так далеко от берега, да еще в это время года, рыба, наверно, огромная. Ешь, рыба. Ешь. Ну, ешь же, пожалуйста. Сардины такие свеженькие, а тебе так холодно в воде, на глубине в шестьсот футов, холодно и темно. Поворотись еще разок в темноте, ступай назад и поешь!»

Он почувствовал легкий, осторожный рывок, а затем и более сильный, — видно, одну из сардин оказалось труднее сорвать с крючка. Потом все стихло.

— Ну же, — сказал старик вслух, — поворотись еще разок. Понюхай. Разве они не прелесть? Покушай хорошенько. А за ними, глядишь, настанет черед попробовать тунца! Он ведь твердый, прохладный, прямо объедение. Не стесняйся, рыба. Ешь, прошу тебя.

Он ждал, держа бечеву между большим и указательным пальцами, следя одновременно за ней и за другими лесками, потому что рыба могла переплыть с места на место. И вдруг он снова почувствовал легкое, чуть приметное подерги-

вание лески.

— Клюнет, — сказал старик вслух. — Клюнет, дай ей бог здоровья!

Но она не клюнула. Она ушла, и леска была неподвижна.

— Она не могла уйти, — сказал старик. — Видит бог, она не могла уйти. Она просто поворачивается и делает новый заплыв. Может быть, она уже попадалась на крючок и помнит об этом.

Тут он снова почувствовал легкое подергивание лески; и у него отлегло от сердца.

— Я же говорил, что она только поворачивается, — сказал старик. — Теперь-то уж она клюнет!

Он был счастлив, ощущая, как рыба потихоньку дергает леску, и вдруг почувствовал какую-то невероятную тяжесть. Он почувствовал вес огромной рыбы и, выпустив бечеву, дал ей скользить вниз, вниз, вниз, разматывая за собой один из запасных мотков. Леска уходила вниз, легко скользя между пальцами, но хотя он едва придерживал ее, он все же чувствовал огромную тяжесть, которая влекла ее за собой.

— Что за рыба! — сказал он вслух. — Зацепила крючок губой и хочет теперь удрать вместе с ним подальше.

«Она все равно повернется и проглотит крю-

чок», — подумал старик. Однако он не произнес своей мысли вслух, чтобы не сглазить. Он знал, как велика эта рыба, и мысленно представлял себе, как она уходит в темноте все дальше с тунцом, застрявшим у нее поперек пасти. На какой-то миг движение прекратилось, но он по-прежнему ощущал вес рыбы. Потом тяга усилилась, и он снова отпустил бечеву. На секунду он придержал ее пальцами; напряжение увеличилось, и бечеву потянуло прямо вниз.

— Клюнула, — сказал старик. — Пусть теперь поест как следует.

Он позволил лесе скользить между пальцами, а левой рукой привязал свободный конец двух запасных мотков к петле двух запасных мотков второй удочки. Теперь все было готово. У него в запасе было три мотка лесы по сорок саженей в каждом, не считая той, на которой он держал рыбу.

— Поешь еще немножко, — сказал он. — Ешь, не стесняйся.

«Ешь так, чтобы острие крючка попало тебе в сердце и убило тебя насмерть, — подумал он. — Всплыви сама и дай мне всадить в тебя гарпун. Ну вот и ладно. Ты готова? Насытилась вволю?»

— Пора! — сказал он вслух и, сильно дернув

обеими руками лесу, выбрал около ярда, а потом стал дергать ее снова и снова, подтягивая бечеву поочередно то одной, то другой рукой и напрягая при каждом рывке всю силу рук и тела.

Но ничего не получалось. Рыба медленно уходила прочь, и старик не мог приблизить ее к себе ни на дюйм. Леска у него была крепкая, рассчитанная на крупную рыбу, и он перекинул ее за спину и натянул так туго, что по ней запрыгали водяные капли. Затем леса негромко зашипела в воде, а он все держал ее, упершись в сиденье и откинув назад туловище. Лодка начала чуть заметно отходить на северо-запад.

Рыба плыла и плыла, и они медленно двигались по зеркальной воде. Другие наживки всё еще были закинуты в море, но старик ничего не мог с этим поделать.

— Эх, если бы со мной был мальчик! — сказал он. — Меня тащит на буксире рыба, а я сам изображаю буксирный битенг. Можно бы привязать бечевку к лодке. Но тогда рыба, чего доброго, сорвется. Я должен крепко держать ее и отпускать по мере надобности. Слава богу, что она плывет, а не опускается на дно… А что я стану делать, если она решит пойти в глубину? Что я стану делать, если она пойдет камнем на дно и умрет? Не знаю.

Там будет видно. Мало ли что я могу сделать!

Он упирался в бечеву спиной и следил за тем, как косо она уходит в воду и как медленно движется лодка на северо-запад.

«Скоро она умрет, — думал старик. — Не может она плыть вечно».

Однако прошло четыре часа, рыба все так же неутомимо уходила в море, таща за собой лодку, а старик все так же сидел, упершись в банку, с натянутой за спиной лесой.

— Когда я поймал ее, был полдень, — сказал старик. — А я до сих пор ее не видел.

Перед тем как поймать рыбу, он плотно натянул соломенную шляпу на лоб, и теперь она больно резала ему кожу. Старику хотелось пить, и, осторожно став на колени, так, чтобы не дернуть бечеву, он подполз как можно ближе к носу и одной рукой достал бутылку. Откупорив ее, он отпил несколько глотков. Потом отдохнул, привалившись к носу. Он отдыхал, сидя на мачте со скатанным парусом, стараясь не думать, а только беречь силы.

Потом он поглядел назад и обнаружил, что земли уже не видно. «Невелика беда, — подумал он. — Я всегда смогу вернуться, правя на огни Гаваны. До захода солнца осталось два часа, может

быть, она еще выплывет за это время. Если нет, то она, может быть, выплывет при свете луны. А то, может быть, на рассвете. Руки у меня не сводит, и я полон сил. Проглотила ведь крючок она, а не я. Но что же это за рыба, если она так тянет! Видно, она крепко прикусила проволоку. Хотелось бы мне на нее поглядеть хоть одним глазком, тогда бы я знал, с кем имею дело».

Насколько старик мог судить по звездам, рыба плыла всю ночь, не меняя направления. После захода солнца похолодало, пот высох у него на спине, на плечах и на старых ногах, и ему стало холодно. Днем он вытащил мешок, покрывавший ящик с наживкой, и расстелил его на солнце сушить. Когда солнце зашло, он обвязал мешок вокруг шеи и спустил его себе на спину, осторожно просунув под бечеву. Бечева резала теперь куда меньше, и, прислонившись к носу, он согнулся так, что ему было почти удобно. По правде говоря, в этом положении ему было только чуточку легче, но он уверял себя, что теперь ему почти совсем удобно.

«Я ничего не могу с ней поделать, но и она ничего не может поделать со мной, — сказал себе старик. — Во всяком случае, до тех пор, пока не придумает какой-нибудь новый фокус».

Разок он встал, чтобы помочиться через борт лодки, поглядеть на звезды и определить, куда идет лодка. Бечева казалась тоненьким лучиком, уходящим от его плеча прямо в воду. Теперь они двигались медленнее, и огни Гаваны потускнели, — по-видимому, течение уносило их на восток. «Раз огни Гаваны исчезают — значит, мы идем все больше на восток, — подумал старик. — Если бы рыба не изменила своего курса, я их видел бы еще много часов. Интересно, чем окончились сегодня матчи? Хорошо бы иметь на лодке радио!» Но он прервал свои мысли: «Не отвлекайся! Думай о том, что ты делаешь. Думай, чтобы не совершить какую-нибудь глупость».

Вслух он сказал:

— Жаль, что со мной нет мальчика. Он бы мне помог и увидел бы все это сам.

«Нельзя, чтобы в старости человек оставался один, — думал он. — Однако это неизбежно. Не забыть бы мне съесть тунца, покуда он не протух, ведь мне нельзя терять силы. Не забыть бы мне съесть его утром, даже если я совсем не буду голоден. Только бы не забыть», — повторял он себе.

Ночью к лодке подплыли две морские свиньи, и старик слышал, как громко пыхтит самец и чуть слышно, словно вздыхая, пыхтит самка.

— Они хорошие, — сказал старик. — Играют, дурачатся и любят друг друга. Они нам родня, совсем как летучая рыба.

Потом ему стало жалко большую рыбу, которую он поймал на крючок. «Ну не чудо ли эта рыба, и один бог знает, сколько лет она прожила на свете. Никогда еще мне не попадалась такая сильная рыба. И подумать только, как странно она себя ведет! Может быть, она потому не прыгает, что уж очень умна. Ведь она погубила бы меня, если бы прыгнула или рванулась изо всех сил вперед. Но, может быть, она не раз уже попадалась на крючок и понимает, что так ей лучше бороться за жизнь. Почем ей знать, что против нее всего один человек, да и тот старик. Но какая большая эта рыба и сколько она принесет денег, если у нее вкусное мясо! Она схватила наживку, как самец, тянет, как самец, и борется со мной без всякого страха. Интересно, знает она, что ей делать, или плывет очертя голову, как и я?»

Он вспомнил, как однажды поймал на крючок самку марлина. Самец всегда подпускает самку к пище первую, и, попавшись на крючок, самка со страха вступила в яростную, отчаянную борьбу, которая быстро ее изнурила, а самец, ни на шаг не отставая от нее, плавал и кружил вместе с ней по

поверхности моря. Он плыл так близко, что старик боялся, как бы он не перерезал лесу хвостом, острым, как серп, и почти такой же формы. Когда старик зацепил самку багром и стукнул ее дубинкой, придерживая острую, как рапира, пасть с шершавыми краями, когда он бил ее дубинкой по черепу до тех пор, пока цвет ее не стал похож на цвет амальгамы, которой покрывают оборотную сторону зеркала, и когда потом он с помощью мальчика втаскивал ее в лодку, самец оставался рядом. Потом, когда старик стал сматывать лесу и готовить гарпун, самец высоко подпрыгнул в воздух возле лодки, чтобы поглядеть, что стало с его подругой, а затем ушел глубоко в воду, раскинув светло-сиреневые крылья грудных плавников, и широкие сиреневые полосы у него на спине были ясно видны. Старик не мог забыть, какой он был красивый. И он не покинул свою подругу до конца.

«Ни разу в море я не видал ничего печальнее, — подумал старик. — Мальчику тоже стало грустно, и мы попросили у самки прощения и быстро разделали ее тушу».

— Жаль, что со мной нет мальчика, — сказал он вслух и поудобнее примостился к округлым доскам носа, все время ощущая через бечеву, которая

давила ему на плечи, могучую силу большой рыбы, неуклонно уходившей к какой-то своей цели.

— Подумать только, что благодаря моему коварству ей пришлось изменить свое решение!

«Ее судьба была оставаться в темной глубине океана, вдали от всяческих ловушек, приманок и людского коварства. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом с самого полудня. И некому помочь ни ей, ни мне».

«Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком, — думал он. — Но ведь для этого я родился. Только бы не забыть съесть тунца, когда рассветет».

Незадолго до восхода солнца клюнуло на одну из наживок за спиной. Он услышал, как сломалось удилище и бечева заскользила через планшир лодки. В темноте он выпростал из футляра свой нож и, перенеся всю тяжесть рыбы на левое плечо, откинулся назад и перерезал лесу на планшире. Потом он перерезал лесу, находившуюся рядом с ним, и в темноте крепко связал друг с другом концы запасных мотков. Он ловко работал одной рукой, придерживая ногой мотки, чтобы покрепче затянуть узел. Теперь у

него было целых шесть запасных мотков лесы: по два от каждой перерезанной им бечевы и два от лесы, на которую попалась рыба; все мотки были связаны друг с другом.

«Когда рассветет, — думал он, — я постараюсь достать ту лесу, которую я опустил на сорок саженей, и тоже ее перережу, соединив запасные мотки. Правда, я потеряю двести саженей крепкой каталонской веревки, не говоря уже о крючках и грузилах. Ничего, это добро можно достать снова. Но кто достанет мне новую рыбу, если на крючок попадется какая-нибудь другая рыба и сорвет мне эту? Не знаю, что там сейчас клюнуло. Может быть, марлин, а может быть, и меч-рыба или акула. Я даже не успел ее почувствовать. Надо было побыстрее от нее отвязаться».

Вслух он сказал:

— Эх, был бы со мной мальчик!

«Но мальчика с тобой нет, — думал он. — Ты можешь рассчитывать только на себя, и хоть сейчас и темно, лучше бы ты попытался достать ту, последнюю лесу, перерезать ее и связать два запасных мотка».

Он так и сделал. В темноте ему было трудно работать, и один раз рыба дернула так, что он свалился лицом вниз и рассек щеку под глазом.

Кровь потекла по скуле, но свернулась и подсохла, еще не дойдя до подбородка, а он подполз обратно к носу и привалился к нему, чтобы передохнуть. Старик поправил мешок, осторожно передвинул бечеву на новое, еще не натруженное место и, передав весь упор на плечи, попытался определить, сильно ли тянет рыба, а потом опустил руку в воду, чтобы выяснить, с какой скоростью движется лодка.

«Интересно, почему она рванулась, — подумал он. — Проволока, верно, соскользнула с большого холма ее спины. Конечно, ее спине не так больно, как моей. Но не может же она тащить лодку без конца, как бы велика ни была! Теперь я избавился от всего, что могло причинить мне вред, и у меня большой запас бечевы, — чего же еще человеку нужно?»

— Рыба, — позвал он тихонько, — я с тобой не расстанусь, пока не умру.

«Да и она со мной, верно, не расстанется», — подумал старик и стал дожидаться утра. В этот предрассветный час было холодно, и он прижался к доскам, чтобы хоть немножко согреться. «Если она терпит, значит, и я стерплю». И заря осветила натянутую лесу, уходящую в глубину моря. Лодка двигалась вперед неустанно, и когда

над горизонтом появился краешек солнца, свет его упал на правое плечо старика.

— Она плывет к северу, — сказал старик. — А течение, наверно, отнесло нас далеко на восток. Хотел бы я, чтобы она повернула по течению. Это означало бы, что она устала.

Но когда солнце поднялось выше, старик понял, что рыба и не думала уставать. Одно лишь было отрадно: уклон, под которым леса уходила в воду, показывал, что рыба плыла теперь на меньшей глубине. Это отнюдь не означало, что она непременно вынырнет на поверхность. Однако вынырнуть она все же могла.

— Господи, заставь ее вынырнуть! — сказал старик. — У меня хватит бечевы, чтобы с ней справиться.

«Может быть, если мне удастся немножко усилить тягу, ей будет больно и она выпрыгнет, — подумал старик. — Теперь, когда стало светло, пусть она выпрыгнет. Тогда пузыри, которые у нее идут вдоль хребта, наполнятся воздухом и она не сможет больше уйти в глубину, чтобы там умереть».

Он попытался натянуть бечеву потуже, но с тех пор, как он поймал рыбу, леса и так была натянута до отказа, и когда он откинулся назад, чтобы

натянуть ее еще крепче, она больно врезалась в спину, и он понял, что у него ничего не выйдет. «А дергать нельзя, — подумал он. — Каждый рывок расширяет рану, которую нанес ей крючок, и если рыба вынырнет, крючок может вырваться совсем. Во всяком случае, я чувствую себя лучше теперь, когда светит солнце, и на этот раз мне не надо на него смотреть».

Лесу опутали желтые водоросли, но старик был рад им, потому что они задерживали ход лодки. Это были те самые желтые водоросли, которые так светились ночью.

— Рыба, — сказал он, — я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер.

«Будем надеяться, что это мне удастся», — подумал он.

С севера к лодке приблизилась маленькая птичка. Она летела низко над водой. Старик видел, что она очень устала.

Птица села на корму отдохнуть. Потом она покружилась у старика над головой и уселась на бечеву, где ей было удобнее.

— Сколько тебе лет? — спросил ее старик. — Наверно, это твое первое путешествие?

Птица посмотрела на него в ответ. Она слиш-

ком устала, чтобы проверить, достаточно ли прочна бечева, и лишь покачивалась, обхватив ее своими нежными лапками.

— Не бойся, веревка натянута крепко, — заверил ее старик. — Даже слишком крепко. Тебе не полагалось бы так уставать в безветренную ночь. Ах, не те нынче пошли птицы!

«А вот ястребы, — подумал он, — выходят в море вам навстречу». Но он не сказал этого птице, да она все равно его бы не поняла. Ничего, сама скоро все узнает про ястребов.

— Отдохни хорошенько, маленькая птичка, — сказал он. — А потом лети к берегу и борись, как борется каждый человек, птица или рыба.

Разговор с птицей его подбодрил, а то спина у него совсем одеревенела за ночь, и теперь ему было по-настоящему больно.

— Побудь со мной, если хочешь, птица, — сказал он. — Жаль, что я не могу поставить парус и привезти тебя на сушу, хотя сейчас и поднимается легкий ветер. Но у меня тут друг, которого я не могу покинуть.

В это мгновение рыба внезапно рванулась и повалила старика на нос; она стащила бы его за борт, если бы он не уперся в него руками и не отпустил бы лесу.

Когда бечева дернулась, птица взлетела, и старик даже не заметил, как она исчезла. Он пощупал лесу правой рукой и увидел, что из руки течет кровь.

— Верно, рыбе тоже стало больно, — сказал он вслух и потянул бечеву, проверяя, не сможет ли он повернуть рыбу в другую сторону. Натянув лесу до отказа, он снова замер в прежнем положении.

— Худо тебе, рыба? — спросил он. — Видит бог, мне и самому не легче.

Он поискал глазами птицу, потому что ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Но птицы нигде не было.

«Недолго же ты побыла со мной, — подумал старик. — Но там, куда ты полетела, ветер много крепче, и он будет дуть до самой суши. Как же это я позволил рыбе поранить меня одним быстрым рывком? Верно, я совсем поглупел. А может быть, просто загляделся на птичку и думал только о ней? Теперь я буду думать о деле и съем тунца, чтобы набраться сил».

— Жаль, что мальчик не со мной и что у меня нет соли, — сказал он вслух.

Переместив тяжесть рыбы на левое плечо и осторожно став на колени, он вымыл руку, по-

держав ее с минуту в воде и наблюдая за тем, как расплывается кровавый след, как мерно обтекает руку встречная струя.

— Теперь рыба плывет куда медленнее, — сказал он вслух.

Старику хотелось подольше подержать руку в соленой воде, но он боялся, что рыба снова дернет; поэтому он поднялся на ноги, натянул спиною лесу и подержал руку на солнце. На ней была всего одна ссадина от бечевы, рассекшей мякоть, но как раз на той части руки, которая нужна была ему для работы. Старик понимал, что сегодня ему еще не раз понадобятся его руки, и огорчался, что поранил их в самом начале.

— Теперь, — сказал он, когда рука обсохла, — я должен съесть тунца. Я могу достать его багром и поесть как следует.

Старик снова опустился на колени и, пошарив багром под кормой, отыскал там тунца. Он подтащил его к себе, стараясь не потревожить мотки лесы. Снова переместив всю тяжесть рыбы на левое плечо и упираясь о борт левой рукой, он снял тунца с крючка и положил багор на место. Он прижал тунца коленом и стал вырезать со спины от затылка до хвоста продольные куски темно-красного мяса. Нарезав шесть клинооб-

разных кусков, он разложил их на досках носа, вытер нож о штаны, поднял скелет тунца за хвост и выкинул его в море.

— Пожалуй, целого куска мне не съесть, — сказал он и перерезал один из кусков пополам.

Старик чувствовал, как сильно, не ослабевая, тянет большая рыба, а левую руку у него совсем свело. Она судорожно сжимала тяжелую веревку, и старик поглядел на нее с отвращением.

— Ну что это за рука, ей-богу! — сказал он. — Ладно, затекай, если уж так хочешь. Превращайся в птичью лапу, тебе это все равно не поможет.

«Поешь, — подумал он, поглядев в темную воду и на косую линию уходящей в нее бечевы, — и твоя рука станет сильнее. Чем она виновата? Ведь ты уж сколько часов подряд держишь рыбу. Но ты не расстанешься с ней до конца. А пока что поешь».

Он взял кусок рыбы, положил его в рот и стал медленно жевать. Вкус был не такой уж противный.

«Жуй хорошенько, — думал он, — чтобы не потерять ни капли соков. Неплохо было бы приправить ее лимоном или хотя бы солью».

— Ну, как ты себя чувствуешь, рука? — спросил он затекшую руку, которая одеревенела почти как

у покойника. — Ради тебя я съем еще кусочек.

Старик съел вторую половину куска, разрезанного надвое. Он старательно разжевал его, а потом выплюнул кожу.

— Ну как, рука, полегчало? Или ты еще ничего не почувствовала?

Он взял еще один кусок и тоже съел его.

«Это здоровая, полнокровная рыба, — подумал он. — Хорошо, что мне попался тунец, а не макрель. Макрель слишком сладкая. А в этой рыбе почти нет сладости, и она сохранила всю свою питательность. Однако нечего отвлекаться посторонними мыслями, — подумал он. — Жаль, что у меня нет хоть щепотки соли. И я не знаю, провялится остаток рыбы на солнце или протухнет, поэтому давай-ка лучше я ее съем, хоть я и не голоден. Большая рыба ведет себя тихо и спокойно. Я доем тунца и тогда буду готов».

— Потерпи, рука, — сказал он. — Видишь, как я ради тебя стараюсь.

«Следовало бы мне покормить и большую рыбу, — подумал он. — Ведь она моя родня. Но я должен убить ее, а для этого мне нужны силы». Медленно и добросовестно старик съел все клинообразные куски тунца.

Обтирая руку о штаны, он выпрямился.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь, рука, ты можешь отпустить лесу; я совладаю с ней одной правой рукой, покуда ты не перестанешь валять дурака.

Левой ногой он прижал толстую бечеву, которую раньше держала его левая рука, и откинулся назад, перенеся тяжесть рыбы на спину.

— Дай бог, чтобы у меня прошла судорога! — сказал он. — Кто знает, что еще придет в голову этой рыбе.

«По виду она спокойна, — подумал он, — и действует обдуманно. Но что она задумала? И что собираюсь делать я? Мой план я должен тут же приспособить к ее плану, ведь она такая громадина. Если она выплывет, я смогу ее убить. А если она так и останется в глубине? Тогда и я останусь с нею».

Он потер сведенную судорогой руку о штаны и попытался разжать пальцы. Но рука не разгибалась. «Может быть, она разожмется от солнца, — подумал он. — Может быть, она разожмется, когда желудок переварит сырого тунца. Если она мне уж очень понадобится, я ее разожму, чего бы мне это ни стоило. Но сейчас я не хочу применять силу. Пускай она разожмется сама и оживет по своей воле. Как-никак ночью ей от

меня досталось, когда нужно было перерезать и связать друг с другом все мои лесы».

Старик поглядел вдаль и понял, как он теперь одинок. Но он видел разноцветные солнечные лучи, преломляющиеся в темной глубине, натянутую, уходящую вниз бечеву и странное колыхание морской глади. Облака кучились, предвещая пассат, и, глядя вперед, он заметил над водою стаю диких уток, резко очерченных в небе; вот стая расплылась, потом опять обрисовалась еще четче, и старик понял, что человек в море никогда не бывает одинок.

Он подумал о том, как некоторым людям бывает страшно оставаться в открытом море в маленькой лодке, и решил, что страх их обоснован в те месяцы, когда непогода налетает внезапно. Но теперь ведь стоит пора ураганов, а пока урагана нет, это время самое лучшее в году.

Если ураган близится, в море всегда можно увидеть его признаки на небе за много дней вперед. На суше их не видят, думал старик, потому что не знают, на что смотреть. Да на суше и форма облаков совсем другая. Однако сейчас урагана ждать нечего.

Он поглядел на небо и увидел белые кучевые облака, похожие на его любимое мороженое, а

над ними, в высоком сентябрьском небе, прозрачные клочья перистых облаков.

— Скоро поднимется легкий бриз, — сказал старик. — А он куда выгоднее мне, чем тебе, рыба.

Левая рука его все еще была сведена судорогой, но он уже мог потихоньку ею шевелить.

«Ненавижу, когда у меня сводит руку, — подумал он. — Собственное тело — и такой подвох! Унизительно, когда тебя на людях мучает понос или рвота от отравления рыбой. Но судорога (он мысленно называл ее calambre) особенно унижает тебя, когда ты один».

«Если бы со мной был мальчик, — подумал он, — он растер бы мне руку от локтя донизу. Но ничего, она оживет и так».

И вдруг, еще прежде, чем он заметил, как изменился уклон, под которым леса уходит в воду, его правая рука почувствовала, что тяга ослабела. Он откинулся назад, изо всех сил заколотил левой рукой по бедру и тут увидел, что леса медленно пошла кверху.

— Поднимается, — сказал он. — Ну-ка, рука, оживай! Пожалуйста!

Леса равномерно шла и шла кверху, и наконец поверхность океана перед лодкой вздулась, и рыба вышла из воды. Она все выходила и выходила,

и казалось, ей не будет конца, а вода потоками скатывалась с ее боков. Вся она горела на солнце, голова и спина у нее были темно-фиолетовые, а полосы на боках казались при ярком свете очень широкими и нежно-сиреневыми. Вместо носа у нее был меч, длинный, как бейсбольная клюшка, и острый на конце, как рапира. Она поднялась из воды во весь рост, а потом снова опустилась, бесшумно, как пловец, и едва ушел в глубину ее огромный хвост, похожий на лезвие серпа, как леса начала стремительно разматываться.

— Она на два фута длиннее моей лодки, — сказал старик.

Леса уходила в море быстро, но равномерно, и рыба явно не была напугана. Старик обеими руками натягивал лесу до отказа. Он знал, что если ему не удастся замедлить ход рыбы таким же равномерным сопротивлением, она заберет все запасы его бечевы и сорвется.

«Она громадина, эта рыба, и я не дам ей почувствовать свою силу, — думал он. — Нельзя, чтобы она поняла, что может сделать со мной, если пустится наутек. На ее месте я бы сейчас поставил все на карту и шел бы вперед до тех пор, покуда что-нибудь не лопнет. Но рыбы, слава богу, не так умны, как люди, которые их убивают; хотя в них

гораздо больше и ловкости и благородства».

Старик встречал на своем веку много больших рыб. Он видел много рыб, весивших более тысячи фунтов, и сам поймал в свое время две такие рыбы, но никогда еще ему не приходилось делать это в одиночку. А теперь один, в открытом море, он был накрепко привязан к такой большой рыбе, какой он никогда не видел, о какой даже никогда не слышал, и его левая рука по-прежнему была сведена судорогой, как сжатые когти орла.

«Ну, рука у меня разойдется, — подумал он. — Конечно, разойдется, хотя бы для того, чтобы помочь правой руке. Жили-были три брата: рыба и мои две руки… Непременно разойдется. Просто стыд, что ее свело». Рыба замедлила ход и теперь шла с прежней скоростью.

«Интересно, почему она вдруг вынырнула, — размышлял старик. — Можно подумать, что она вынырнула только для того, чтобы показать мне, какая она громадная. Ну что ж, теперь я знаю. Жаль, что я не могу показать ей, что я за человек. Положим, она бы тогда увидела мою сведенную руку. Пусть она думает обо мне лучше, чем я на самом деле, и я тогда буду и в самом деле лучше. Хотел бы я быть рыбой и чтобы у меня было все, что есть у нее, а не только воля и сообразитель-

ность».

Он покойно уселся, прислонившись к дощатой обшивке, безропотно перенося мучившую его боль, а рыба все так же упорно плыла вперед, и лодка медленно двигалась по темной воде. Восточный ветер поднял небольшую волну.

К полудню левая рука у старика совсем ожила.

— Туго тебе теперь придется, рыба, — сказал он и передвинул бечеву на спине.

Ему было хорошо, хотя боль и донимала его по-прежнему; только он не признавался себе в том, как ему больно.

— В бога я не верую, — сказал он. — Но я прочту десять раз «Отче наш» и столько же раз «Богородицу», чтобы поймать эту рыбу. Я дам обет отправиться на богомолье, если я ее и впрямь поймаю. Даю слово.

Старик стал читать молитву. По временам он чувствовал себя таким усталым, что забывал слова, и тогда он старался читать как можно быстрее, чтобы слова выговаривались сами собой. «Богородицу» повторять легче, чем «Отче наш», — думал он.

— Богородица дева, радуйся, благодатная Мария, господь с тобою. Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева твоего, яко спаса родила

еси души наших. Аминь. — Потом он добавил: — Пресвятая богородица, помолись, чтобы рыба умерла. Хотя она и очень замечательная.

Прочтя молитву и почувствовав себя куда лучше, хотя боль нисколько не уменьшилась, а может быть, даже стала сильнее, он прислонился к обшивке носа и начал машинально упражнять пальцы левой руки. Солнце жгло, ветерок потихоньку усиливался.

— Пожалуй, стоит опять наживить маленькую удочку, — сказал старик. — Если рыба не всплывет и в эту ночь, мне нужно будет снова поесть, да и воды в бутылке осталось совсем немного. Не думаю, что здесь можно поймать что-нибудь, кроме макрели. Но если ее съесть сразу, она не так уж противна. Хорошо бы, ночью ко мне в лодку попалась летучая рыба. Но у меня нет света, которым я мог бы ее заманить. Сырая летучая рыба — отличная еда, и потрошить ее не надо. А мне теперь надо беречь силы. Ведь не знал же я, господи, что она такая большая!.. Но я ее все равно одолею, — сказал он. — При всей ее величине и при всем ее великолепии.

«Хоть это и несправедливо, — прибавил он мысленно, — но я докажу ей, на что способен человек и что он может вынести».

— Я ведь говорил мальчику, что я не обыкновенный старик, — сказал он. — Теперь пришла пора это доказать.

Какая разница, что он доказывал это уже тысячу раз. Ну так что ж? Теперь приходится доказывать это снова. Каждый раз счет начинается сызнова; поэтому когда он что-нибудь делал, то никогда не вспоминал о прошлом.

«Хотел бы я, чтобы она заснула, тогда и я смогу заснуть и увидеть во сне львов, — подумал он. — Почему львы — это самое лучшее, что у меня осталось?»

— Не надо думать, старик, — сказал он себе. — Отдохни тихонько, прислонясь к доскам, и ни о чем не думай. Она сейчас трудится. Ты же пока трудись как можно меньше.

Солнце клонилось к закату, а лодка все плыла и плыла, медленно и неуклонно. Восточный ветерок подгонял ее, и старик тихонько покачивался на невысоких волнах, легко и незаметно переносся боль от веревки, врезавшейся ему в спину.

Как-то раз после полудня леса снова стала подниматься. Однако рыба просто продолжала свой ход на несколько меньшей глубине. Солнце припекало старику спину, левое плечо и руку. Из этого он понял, что рыба свернула на севе-

ро-восток.

Теперь, когда он уже однажды взглянул на рыбу, он мог себе представить, как она плывет под водой, широко, словно крылья, раскинув фиолетовые грудные плавники и прорезая тьму могучим хвостом. «Интересно, много ли она видит на такой глубине? — подумал старик. — У нее огромные глаза, а лошадь, у которой глаз куда меньше, видит в темноте. Когда-то и я хорошо видел в темноте. Конечно, не в полной тьме, но зрение у меня было почти как у кошки».

Солнце и беспрестанное упражнение пальцев совершенно расправили сведенную судорогой левую руку, и старик стал постепенно перемещать на нее тяжесть рыбы, двигая мускулами спины, чтобы хоть немного ослабить боль от бечевы.

— Если ты еще не устала, — сказал он вслух, — ты и в самом деле — необыкновенная рыба.

Сам он теперь чувствовал огромную усталость, знал, что скоро наступит ночь, и поэтому старался думать о чем-нибудь постороннем. Он думал о знаменитых бейсбольных лигах, которые для него были Gran Ligas, и о том, что сегодня нью-йоркские «Янки» должны были играть с «Тиграми» из Детройта.

«Вот уже второй день, как я ничего не знаю о ре-

зультатах juegos,[2] — подумал он. — Но я должен верить в свои силы и быть достойным великого Ди Маджио, который все делает великолепно, что бы он ни делал, даже тогда, когда страдает от костной мозоли в пятке. Что такое костная мозоль? Un espuelo de hueso. У нас, рыбаков, их не бывает. Неужели это так же больно, как удар в пятку шпорой бойцового петуха? Я, кажется, не вытерпел бы ни такого удара, ни потери глаза или обоих глаз и не смог бы продолжать драться, как это делают бойцовые петухи. Человек — это не бог весть что рядом с замечательными зверями и птицами. Мне бы хотелось быть тем зверем, что плывет сейчас там, в морской глубине».

— Да, если только не нападут акулы, — сказал он вслух. — Если нападут акулы — помилуй господи и ее и меня!

«Неужели ты думаешь, что великий Ди Маджио держался бы за рыбу так же упорно, как ты? — спросил он себя. — Да, я уверен, что он поступил бы так же, а может быть, и лучше, потому что он моложе и сильнее меня. К тому же отец его был рыбаком… А ему очень больно от костной мозоли?»

---

[2] Примечания: 2
Спортивные игры *(исп.).*

— Не знаю, — сказал он вслух. — У меня никогда не было костной мозоли.

Когда солнце зашло, старик, чтобы подбодриться, стал вспоминать, как однажды в таверне Касабланки он состязался в силе с могучим негром из Сьенфуэгос, самым сильным человеком в порту. Они просидели целые сутки друг против друга, уперев локти в черту, прочерченную мелом на столе, не сгибая рук и крепко сцепив ладони. Каждый из них пытался пригнуть руку другого к столу. Кругом держали пари, люди входили и выходили из комнаты, тускло освещенной керосиновыми лампами, а он не сводил глаз с руки и локтя негра и с его лица. После того как прошли первые восемь часов, судьи стали меняться через каждые четыре часа, чтобы поспать. Из-под ногтей обоих противников сочилась кровь, а они все глядели друг другу в глаза, и на руку, и на локоть. Люди, державшие пари, входили и выходили из комнаты; они рассаживались на высокие стулья у стен и ждали, чем это кончится. Деревянные стены были выкрашены в ярко-голубой цвет, и лампы отбрасывали на них тени. Тень негра была огромной и шевелилась на стене, когда ветер раскачивал лампы.

Преимущество переходило от одного к дру-

гому всю ночь напролет; негра поили ромом и зажигали ему сигареты. Выпив рому, негр делал отчаянное усилие, и один раз ему удалось пригнуть руку старика — который тогда не был стариком, а звался Сантьяго El Campeon[3] — почти на три дюйма. Но старик снова выпрямил руку. После этого он уже больше не сомневался, что победит негра, который был хорошим парнем и большим силачом. И на рассвете, когда люди стали требовать, чтобы судья объявил ничью, а тот только пожал плечами, старик внезапно напряг свои силы и стал пригибать руку негра все ниже и ниже, покуда она не легла на стол. Поединок начался в воскресенье утром и окончился утром в понедельник. Многие из державших пари требовали признать ничью, потому что им пора было выходить на работу в порт, где они грузили уголь для Гаванской угольной компании или мешки с сахаром. Если бы не это, все бы хотели довести состязание до конца. Но старик победил, и победил до того, как грузчикам надо было выйти на работу.

Долго еще потом его звали Чемпионом, а весною он дал негру отыграться. Однако ставки уже

---

[3] Примечания: 3
Чемпион *(исп.).*

были не такими высокими, и он легко победил во второй раз, потому что вера в свою силу у негра из Сьенфуэгос была сломлена еще в первом матче. Потом Сантьяго участвовал еще в нескольких состязаниях, но скоро бросил это дело. Он понял, что если очень захочет, то победит любого противника, и решил, что такие поединки вредны для его правой руки, которая нужна ему для рыбной ловли. Несколько раз он пробовал посостязаться левой рукой. Но его левая рука всегда подводила его, не желала ему подчиняться, и он ей не доверял.

«Солнце ее теперь пропечет хорошенько, — подумал он. — Она не посмеет больше затекать мне назло, разве что ночью будет очень холодно. Хотел бы я знать, что мне сулит эта ночь».

Над головой у него прошел самолет, летевший в Майами, и старик видел, как тень самолета спугнула и подняла в воздух стаю летучих рыб.

— Раз здесь так много летучей рыбы, где-то поблизости должна быть и макрель, — сказал он и посильнее уперся спиною в лесу, проверяя, нельзя ли подтащить рыбу хоть чуточку ближе. Но он скоро понял, что это невозможно, потому что бечева снова задрожала, как струна, угрожая лопнуть, и по ней запрыгали водяные капли.

Лодка медленно плыла вперед, и он провожал глазами самолет, пока тот не скрылся.

«Наверно, с самолета все выглядит очень странно, — подумал он. — Интересно, какой вид с такой высоты имеет море? Они оттуда могли бы прекрасно разглядеть мою рыбу, если бы не летели так высоко. Хотел бы я медленно-медленно лететь на высоте в двести саженей, чтобы сверху посмотреть на мою рыбу. Когда я плавал за черепахами, я, бывало, взбирался на верхушку мачты и даже оттуда мог разглядеть довольно много. Макрель оттуда выглядит более зеленой, и можно различить на ней фиолетовые полосы и пятна и увидеть, как плывет вся стая. Почему у всех быстроходных рыб, которые плавают в темной глубине, фиолетовые спины, а зачастую и фиолетовые полосы или пятна? Макрель только выглядит зеленой, на самом деле она золотистая. Но когда она по-настоящему голодна и охотится за пищей, на боках у нее проступают фиолетовые полосы, как у марлина. Неужели это от злости? А может быть, потому, что она движется быстрее, чем обычно?»

Незадолго до темноты, когда они проплывали мимо большого островка саргассовых водорослей, которые вздымались и раскачивались на

легкой волне, словно океан обнимался с кем-то под желтым одеялом, на маленькую удочку попалась макрель. Старик увидел ее, когда она подпрыгнула в воздух, переливаясь чистым золотом в последних лучах солнца, сгибаясь от ужаса пополам и бешено хлопая по воздуху хвостом.

Она подпрыгивала снова и снова, как заправский акробат, а старик перебрался на корму, присел и, придерживая большую бечеву правой рукой и локтем, вытащил макрель левой, наступая босой левой ногой на выбранную лесу. Когда макрель была у самой лодки и отчаянно билась и бросалась из стороны в сторону, старик перегнулся через корму и втащил в лодку жаркую, как золото, рыбу с фиолетовыми разводами. Пасть макрели судорожно сжималась, прикусывая крючок, а длинное плоское тело, голова и хвост колотились о дно лодки, пока старик не стукнул ее по горящей золотом голове, и она, задрожав, затихла.

Старик снял рыбу с крючка, снова наживил его сардиной и закинул леску за борт. Потом он медленно перебрался на нос. Обмыв левую руку, он вытер ее о штаны, переместил тяжелую бечеву с правого плеча на левое и вымыл правую руку, наблюдая за тем, как солнце опускается в

океан и под каким уклоном тянется в воду его большая леса.

— Все идет по-прежнему, — сказал он.

Но, опустив руку в воду, он почувствовал, что движение лодки сильно замедлилось.

— Я свяжу друг с другом оба весла и прикреплю их поперек кормы, чтобы они ночью тормозили лодку, — сказал он. — У этой рыбы хватит сил на всю ночь. Ну, и у меня тоже.

«Пожалуй, лучше будет, если я выпотрошу макрель попозже, — подумал он, — чтобы из нее не вытекла вся кровь. Я сделаю это немного погодя и тогда же свяжу весла, чтобы притормозить лодку. Лучше мне покуда не беспокоить рыбу, особенно во время захода солнца. Заход солнца дурно влияет на всякую рыбу».

Он обсушил руку на ветру, а затем, схватив ею бечеву, позволил рыбе подтянуть себя вплотную к дощатой обшивке, переместив таким образом упор со своего тела на лодку.

«Кое-чему я научился, — подумал он. — Пока что я с нею справляюсь. К тому же нельзя забывать, что она не ела с тех пор, как проглотила наживку, а она ведь большая, и ей нужно много пищи. Я-то съел целого тунца. Завтра я поем макрели. — Старик называл макрель dorado. —

Пожалуй, я съем кусочек, когда буду ее чистить. Макрель есть труднее, чем тунца. Но ничто на свете не дается легко».

— Как ты себя чувствуешь, рыба? — спросил он громко. — Я себя чувствую прекрасно. Левая рука болит меньше, и пищи хватит на целую ночь и еще на день. Ладно, тащи лодку, рыба.

Старик совсем не так уж хорошо себя чувствовал, потому что боль, которую причиняла его спине веревка, почти перестала быть болью и превратилась в глухую ломоту, а это его беспокоило. «Со мной случались вещи и похуже, — утешал он себя. — Рука у меня поранена совсем легко, а другую больше не сводит судорога. Ноги у меня в порядке. Да и в смысле пищи мне куда лучше, чем рыбе».

Было темно; в сентябре темнота всегда наступает внезапно, сразу же после захода солнца. Он лежал, прислонившись к изъеденным солью доскам, и изо всех сил старался отдохнуть. На небе показались первые звезды. Он не знал названия звезды Ригель, но, увидев ее, понял, что скоро покажутся и все остальные и тогда эти далекие друзья будут снова с ним.

— Рыба — она тоже мне друг, — сказал он. — Я никогда не видел такой рыбы и не слышал, что

такие бывают. Но я должен ее убить. Как хорошо, что нам не приходится убивать звезды!

«Представь себе: человек что ни день пытается убить луну! А луна от него убегает. Ну, а если человеку пришлось бы каждый день охотиться за солнцем? Нет, что ни говори, нам еще повезло», — подумал он.

Потом ему стало жалко большую рыбу, которой нечего есть, но печаль о ней нисколько не мешала его решимости ее убить. Сколько людей он насытит! Но достойны ли люди ею питаться? Конечно, нет. Никто на свете не достоин ею питаться: поглядите только, как она себя ведет и с каким великим благородством.

«Я многого не понимаю, — подумал он. — Но как хорошо, что нам не приходится убивать солнце, луну и звезды. Достаточно того, что мы вымогаем пищу у моря и убиваем своих братьев.

Теперь мне следует подумать о тормозе из весел. У него есть и хорошие и дурные стороны. Я могу потерять столько бечевы, что потеряю и рыбу, если она захочет вырваться, а тормоз из весел лишит лодку подвижности. Легкость лодки продлевает наши страдания — и мои и рыбы, но в ней и залог моего спасения. Ведь эта рыба, если захочет, может плыть еще быстрее.

Как бы там ни было, надо выпотрошить макрель, пока она не протухла, и поесть немножко, чтобы набраться сил.

Теперь я отдохну еще часок, а потом, если увижу, что рыба ничего не замышляет, переберусь на корму, сделаю там что нужно и приму решение насчет весел. А тем временем я присмотрюсь, как она будет себя вести. Штука с веслами — удачная выдумка, однако сейчас надо действовать наверняка. Рыба еще в полной силе, и я заметил, что крючок застрял у нее в самом углу рта, а рот она держит плотно закрытым. Мучения, которые причиняет ей крючок, не так уж велики, ее гораздо больше мучит голод и ощущение опасности, которой она не понимает. Отдохни же, старик. Пусть трудится рыба, пока не настанет твой черед».

Он отдыхал, как ему казалось, не меньше двух часов. Луна выходила теперь поздно, и он не мог определить время. Правда, отдыхал он только так, относительно. Он по-прежнему ощущал спиной тяжесть рыбы, но, опершись левой рукой о планширь носа, старался переместить все больший и больший вес на самую лодку.

«Как все было бы просто, если бы я мог привязать бечеву к лодке! — подумал он. — Но стоит ей

рвануться хотя бы легонько, и бечева лопнет. Я должен беспрерывно ослаблять тягу своим телом и быть готов в любую минуту опустить бечеву обеими руками».

— Но ты ведь еще не спал, старик, — сказал он вслух. — Прошло полдня и ночь, а потом еще день, а ты все не спишь и не спишь. Придумай, как бы тебе поспать хоть немножко, пока она спокойна и не балует. Если ты не будешь спать, в голове у тебя помутится.

«Сейчас голова у меня ясная, — подумал он. — Даже слишком. Такая же ясная, как сестры мои, звезды. Но все равно мне надо поспать. И звезды спят, и луна спит, и солнце спит, и даже океан иногда спит в те дни, когда нет течения и стоит полная тишь.

Не забудь поспать, — напомнил он себе. — Заставь себя поспать, придумай какой-нибудь простой и верный способ, как оставить бечеву. Теперь ступай на корму и выпотроши макрель. А тормоз из весел — вещь опасная, если ты заснешь.

Но я могу обойтись и без сна, — сказал он себе. — Да, можешь, но и это слишком опасно».

Он стал на четвереньках перебираться на корму, стараясь не потревожить рыбу. «Она, может

быть, тоже дремлет, — подумал он. — Но я не хочу, чтобы она отдыхала. Она должна тащить лодку, покуда не умрет».

Добравшись до кормы, он повернулся и переместил всю тяжесть рыбы на левую руку, а правой вытащил из футляра нож. Звезды светили ярко, и макрель хорошо было видно. Воткнув нож ей в голову, старик вытащил ее из-под настила кормы. Он придерживал рыбу ногой и быстро вспорол ей живот от хвоста до кончика нижней челюсти. Потом положил нож, правой рукой выпотрошил макрель и вырвал жабры. Желудок был тяжелый и скользкий; разрезав его, он нашел там две летучие рыбы. Они были свежие и твердые, и он положил их рядышком на дно лодки, а внутренности выбросил за борт. Погрузившись в воду, они оставили за собой светящийся след. В бледном сиянии звезд макрель казалась грязно-белой. Старик ободрал с одного бока кожу, придерживая голову рыбы ногой. Потом он перевернул макрель, снял кожу с другого бока и срезал мясо от головы до хвоста.

Выкинув скелет макрели за борт, он поглядел, не видно ли на воде кругов, но там был только светящийся след медленно уходящего вглубь остова рыбы. Тогда он повернулся, положил двух

летучих рыб между кусками макрельего филе и, спрятав нож в футляр, снова осторожно перебрался на нос. Спину его пригибала тяжесть лесы, рыбу он нес в правой руке.

Вернувшись на нос, он разложил рыбное филе на досках и рядом с ним положил летучих рыб. После этого он передвинул лесу на еще не наболевшую часть спины и снова переместил тяжесть на левую руку, опиравшуюся о планшир. Перегнувшись через борт, он обмыл летучую рыбу в море, замечая попутно, как быстро движется вода у него под рукой. Рука его светилась оттого, что он сдирал ею с макрели кожу, и он смотрел, как ее обтекает вода. Теперь она текла медленнее, и, потерев ребро руки о край лодки, он увидел, как неторопливо уплывают к корме частицы фосфора.

— Она либо устала, либо отдыхает, — сказал старик. — Надо поскорее покончить с едой и немножко поспать.

Он съел половину одного из филе и одну летучую рыбу, которую предварительно выпотрошил при свете звезд, чувствуя, как ночь становится все холоднее.

— Что может быть вкуснее макрели, если есть ее в вареном виде! — сказал он. — Но до чего же

она противна сырая! Никогда больше не выйду в море без соли и без лимона.

«Будь у меня голова на плечах, — думал он, — я бы целый день поливал водой нос лодки и давал ей высохнуть — к вечеру у меня была бы соль. Да, но ведь я поймал макрель перед самым заходом солнца. И все-таки я многого не предусмотрел. Однако я сжевал весь кусок, и меня не тошнит».

Небо на востоке затуманивалось облаками, и знакомые звезды гасли одна за другой. Казалось, что он вступает в огромное ущелье из облаков. Ветер стих.

— Через три или четыре дня наступит непогода, — сказал он. — Но еще не сегодня и не завтра. Поспи, старик, покуда рыба ведет себя смирно.

Он крепко держал лесу правой рукой и припав к руке бедром, налег всем телом на борт лодки. Потом сдвинул бечеву на спине чуть пониже и ухватился за нее левой рукой.

«Правая рука будет держать лесу, пока не разожмется. А если во сне она разожмется, меня разбудит левая рука, почувствовав, как леса убегает в море. Конечно, правой руке будет нелегко. Но она привыкла терпеть лишения. Если я посплю хотя бы минут двадцать или полчаса, и то хорошо».

Прижимая лесу к доскам телом и всей тяжестью навалившись на правую руку, он заснул.

Во сне он не видел львов, но зато ему приснилась огромная стая морских свиней, растянувшаяся на восемь или на десять миль, а так как у них была брачная пора, они высоко подпрыгивали в воздух и ныряли обратно в ту же водяную яму, из которой появлялись.

Потом ему снилось, что он лежит на своей кровати в деревне и в хижину задувает северный ветер, отчего ему очень холодно, а правая рука его затекла, потому что он положил ее под голову вместо подушки.

И уже только потом ему приснилась длинная желтая отмель, и он увидел, как в сумерках на нее вышел первый лев, а за ним идут и другие; он оперся подбородком о борт корабля, стоящего на якоре, его обвевает вечерним ветром с суши, он ждет, не покажутся ли новые львы, и совершенно счастлив.

Луна уже давно взошла, но он все спал и спал, а рыба мерно влекла лодку в ущелье из облаков.

Он проснулся от рывка; кулак правой руки ударил его в лицо, а леса, обжигая ладонь, стремительно уходила в воду. Левой руки он не чувствовал, поэтому он попытался затормозить

бечеву правой рукой, но бечева продолжала бешено уноситься в море. В конце концов и левая рука нащупала бечеву, он оперся о нее спиной, и теперь леса жгла его спину и левую руку, на которую перешла вся тяжесть рыбы. Он оглянулся на запасные мотки лесы и увидел, что они быстро разматываются. В это мгновение рыба вынырнула, взорвав океанскую гладь, и тяжело упала обратно в море. Потом она прыгнула опять и опять, а лодка неслась вперед, хотя леса и продолжала мчаться за борт и старик натягивал ее до отказа, на миг отпускал, а потом снова натягивал изо всех сил, рискуя, что она оборвется. Его самого притянуло вплотную к носу, лицо его было прижато к куску макрельего мяса, но он не мог пошевелиться.

«Вот этого-то мы и ждали, — подумал он. — Теперь держись... Я ей отплачу за лесу! Я ей отплачу!»

Он не мог видеть прыжков рыбы, он только слышал, как с шумом разверзается океан, и тяжелый всплеск, когда рыба вновь падала в воду. Убегающая за борт бечева жестоко резала руки, но он заранее знал, что так случится, и старался подставить мозолистую часть руки, чтобы леса не поранила ладонь или пальцы.

«Будь со мной мальчик, — подумал старик, — он смочил бы лесу водой. Да, если бы мальчик был здесь! Если бы он был здесь!»

Леса все неслась, неслась и неслась, но теперь она шла уже труднее, и он заставлял рыбу отвоевывать каждый ее дюйм. Ему удалось поднять голову и отодвинуть лицо от макрельего мяса, которое его скула превратила в лепешку. Сперва он встал на колени, а потом медленно поднялся на ноги. Он все еще отпускал лесу, но все скупее и скупее. Переступив ближе к тому месту, где он в темноте мог нащупать ногой мотки бечевы, он убедился, что запас у него еще большой. А в воде ее столько, что рыбе не так-то легко будет с ней справиться.

«Ну вот, — подумал он. — Теперь она прыгнула уже больше десяти раз и наполнила свои пузыри воздухом; теперь она уже не сможет уйти в глубину, откуда ее не достать, и умереть там. Она скоро начнет делать круги, и тогда мне придется поработать. Интересно, что ее вывело из себя? Голод довел ее до отчаяния или что-нибудь испугало во тьме? Может, она вдруг почувствовала страх? Но ведь это была спокойная и сильная рыба. Она казалась мне такой смелой и такой уверенной в себе. Странно!»

— Лучше, старик, сам забудь о страхе и побольше верь в свои силы, — сказал он. — Хоть ты ее и держишь, ты не можешь вытянуть ни дюйма лесы. Но скоро она начнет делать круги.

Старик теперь удерживал лесу левой рукой и плечами; нагнувшись, он правой рукой зачерпнул воды, чтобы смыть с лица раздавленное мясо макрели. Он боялся, что его стошнит и он ослабеет. Вымыв лицо, старик опустил за борт правую руку и подержал ее в соленой воде, глядя на светлеющее небо. «Сейчас она плывет почти прямо на восток, — подумал он. — Это значит, что она устала и идет по течению. Скоро ей придется пойти кругами. Тогда-то и начнется настоящая работа».

Подержав некоторое время руку в соленой воде, он вынул и оглядел ее.

— Не так страшно, — сказал он. — А боль мужчине нипочем.

Старик осторожно взял бечеву, стараясь, чтобы она не попала ни в один из свежих порезов, и переместил вес тела таким образом, чтобы и левую руку тоже опустить в воду через другой борт лодки.

— Для такого ничтожества, как ты, ты вела себя неплохо, — сказал он левой руке. — Но была

минута, когда ты меня чуть не подвела.

«Почему я не родился с двумя хорошими руками? — думал он. — Может, это я виноват, что вовремя не научил свою левую руку работать как следует. Но, видит бог, она и сама могла научиться! Честно говоря, она не так уж меня подвела нынче ночью; и судорогой ее свело всего один раз. Но если это повторится, тогда уж лучше пусть ее совсем отрежет бечевой!»

Подумав это, старик сразу понял, что в голове у него помутилось. Надо бы пожевать еще кусочек макрели. «Не могу, — сказал он себе. — Пусть лучше у меня будет голова не в порядке, чем слабость от тошноты. А я знаю, что не смогу проглотить мясо после того, как на нем лежало мое лицо. Я сохраню мясо на крайний случай, пока оно не испортится. Все равно сейчас уже поздно подкрепляться. Глупый старик! — выругал он себя. — Ты ведь можешь съесть вторую летучую рыбу».

Вот она лежит, выпотрошенная, чистенькая — и, взяв ее левой рукой, он съел летучую рыбу, старательно разжевывая кости, съел всю целиком, без остатка.

«В ней больше питательности, чем почти в любой другой рыбе, — подумал он. — Во всяком

случае, в ней есть то, что мне нужно... Ну вот, теперь я сделал все, что мог. Пусть только она начнет кружить — мы с ней сразимся».

Солнце вставало уже в третий раз, с тех пор как он вышел в море, и тут-то рыба начала делать круги.

Он еще не мог определить по уклону, под которым леса уходила в море, начала ли рыба делать круги. Для этого еще было рано. Он только почувствовал, что тяга чуточку ослабела, и стал потихоньку выбирать лесу правой рукой. Леса натянулась до отказа, как и прежде, но в тот самый миг, когда она, казалось, вот-вот лопнет, она вдруг пошла свободно. Тогда старик, нагнувшись, высвободил плечи из давившей на них бечевы и начал выбирать лесу неторопливо и равномерно.

Старик работал, взмахивая обеими руками поочередно. Его старые ноги и плечи помогали движению рук.

— Она делает очень большой круг, — сказал он, — но она его все-таки делает.

Внезапно движение лесы затормозилось, но он продолжал тянуть ее, покуда по ней не запрыгали блестящие на солнце водяные капли. Потом лесу потянуло прочь, и, став на колени, старик

стал нехотя отпускать ее понемножку назад, в темную воду.

— Теперь рыба делает самую дальнюю часть своего круга, — сказал он.

«Надо держать ее как можно крепче. Натянутая бечева будет всякий раз укорачивать круг. Может быть, через час я ее увижу. Сперва я должен убедить ее в моей силе, а потом я ее одолею».

Однако прошло два часа, а рыба все еще продолжала медленно кружить вокруг лодки. Со старика градом катился пот, и устал он сверх всякой меры. Правда, круги, которые делала рыба, стали гораздо короче, и по тому, как уходила в воду леса, было видно, что рыба постепенно поднимается на поверхность.

Вот уже целый час, как у старика перед глазами прыгали черные пятна, соленый пот заливал и жег глаза, жег рану над глазом и другую рану — на лбу. Черные пятна его не пугали. В них не было ничего удивительного, если подумать, с каким напряжением он тянул лесу. Но два раза он почувствовал слабость, и это встревожило его не на шутку.

«Неужели я оплошаю и умру из-за какой-то рыбы? — спрашивал он себя. — И главное — теперь, когда все идет так хорошо. Господи, помоги мне

выдержать! Я прочту сто раз „Отче наш“ и сто раз „Богородицу“. Только не сейчас. Сейчас не могу».

«Считай, что я их прочел, — подумал он. — Я прочту их после».

В этот миг он почувствовал удары по бечеве, которую держал обеими руками, и рывок. Рывок был резкий и очень сильный.

«Она бьет своим мечом по проволоке, которой привязан крючок, — подумал старик. — Ну конечно. Так ей и полагалось поступить. Однако это может заставить ее выпрыгнуть, а я предпочел бы, чтобы сейчас она продолжала делать круги. Прыжки были ей нужны, чтобы набрать воздуху, но теперь каждый новый прыжок расширит рану, в которой торчит крючок, и рыба может сорваться».

— Не прыгай, рыба, — просил он. — Пожалуйста, не прыгай!

Рыба снова и снова ударяла по проволоке, и всякий раз, покачав головой, старик понемногу отпускал лесу.

«Я не должен причинять ей лишнюю боль, — думал он. — Моя боль — она при мне. С ней я могу совладать. Но рыба может обезуметь от боли».

Через некоторое время рыба перестала биться о проволоку и начала снова медленно делать

круги. Старик равномерно выбирал лесу. Но ему опять стало дурно. Он зачерпнул левой рукой морской воды и вылил ее себе на голову. Потом он вылил себе на голову еще немного воды и растер затылок.

— Зато у меня нет больше судороги, — сказал он. — Рыба скоро выплывет, а я еще подержусь. Ты должен держаться, старик. И не смей даже думать, что ты можешь не выдержать.

Он опустился на колени и на время снова закинул лесу себе за спину. «Покуда она кружит, я передохну, а потом встану и, когда она подойдет поближе, снова начну выбирать лесу».

Ему очень хотелось подольше отдохнуть на носу лодки и позволить рыбе сделать лишний круг, не выбирая лесы. Но когда тяга показала, что рыба повернула и возвращается к лодке, старик встал и начал тянуть бечеву, взмахивая поочередно руками и поворачивая из стороны в сторону туловище, для того чтобы выбрать как можно больше лесы.

«Я устал так, как не уставал ни разу в жизни, — подумал старик, — а между тем ветер усиливается. Правда, ветер будет кстати, когда я повезу ее домой. Мне он очень пригодится, этот ветер».

— Я отдохну, когда она пойдет в новый круг, — сказал он. — Тем более что сейчас я себя чувствую гораздо лучше. Еще каких-нибудь два-три круга, и рыба будет моя.

Его соломенная шляпа была сдвинута на самый затылок, и когда рыба повернула и снова стала тянуть, он в изнеможении повалился на нос.

«Поработай теперь ты, рыба, — подумал он. — Я снова возьмусь за тебя, как только ты повернешь назад».

По морю пошла крупная волна. Но воду гнал добрый ветер, спутник ясной погоды, который был ему нужен, чтобы добраться до дому.

— Буду править на юг и на запад, — сказал он. — И все. Разве можно заблудиться в море? К тому же остров у нас длинный.

Рыбу он увидел во время ее третьего круга.

Сначала он увидел темную тень, которая так долго проходила у него под лодкой, что он просто глазам не поверил.

— Нет, — сказал он. — Не может быть, чтобы она была такая большая.

Но рыба была такая большая, и к концу третьего круга она всплыла на поверхность всего в тридцати ярдах от лодки, и старик увидел, как поднялся над морем ее хвост. Он был больше

самого большого серпа и над темно-синей водой казался бледно-сиреневым. Рыба нырнула снова, но уже неглубоко, и старик мог разглядеть ее громадное туловище, опоясанное фиолетовыми полосами. Ее спинной плавник был опущен, а огромные грудные плавники раскинуты в стороны.

Пока она делала свой круг, старик разглядел глаз рыбы и плывших подле нее двух серых рыб-прилипал. Время от времени прилипалы присасывались к рыбе, а потом стремглав бросались прочь. Порою же они весело плыли в тени, которую отбрасывала большая рыба. Каждая из прилипал была длиною более трех футов, и когда они плыли быстро, они извивались всем телом, как угри.

По лицу старика катился пот, но теперь уже не только от солнца. Во время каждого нового круга, который так спокойно и, казалось, безмятежно проплывала рыба, старик выбирал все больше лесы и теперь был уверен, что через два круга ему удастся всадить в рыбу гарпун.

«Но я должен подтянуть ее ближе, гораздо ближе, — подумал он. — И не надо целиться в голову. Надо бить в сердце».

«Будь спокойным и сильным, старик», — сказал

он себе.

Во время следующего круга спина рыбы показалась над водой, но плыла она все еще слишком далеко от лодки. Рыба сделала еще один круг, но была по-прежнему слишком далеко от лодки, хотя и возвышалась над водой куда больше. Старик знал, что, выбери он еще немного лесы, он мог бы подтащить рыбу к самому борту.

Он уже давно приготовил гарпун; связка тонкого троса лежала в круглой корзине, а конец он привязал к битенгу на носу.

Рыба приближалась, делая свой круг, такая спокойная и красивая, чуть шевеля огромным хвостом. Старик тянул лесу что было силы, стараясь подтащить рыбу как можно ближе к лодке. На секунду рыба слегка завалилась на бок. Потом она выпрямилась и начала новый круг.

— Я сдвинул ее с места, — сказал старик. — Я все-таки заставил ее перевернуться.

У него снова закружилась голова, но он тянул лесу с большой рыбой изо всех сил. «Ведь мне все-таки удалось перевернуть ее на бок, — думал он. — Может быть, на этот раз я сумею перевернуть ее на спину. Тяните! — приказывал он своим рукам. — Держите меня, ноги! Послужи мне еще, голова! Послужи мне. Ты ведь никогда меня не

подводила. На этот раз я переверну ее на спину».

Еще задолго до того, как рыба приблизилась к лодке, он напряг все свои силы и стал тянуть что было мочи. Но рыба лишь слегка повернулась на бок, потом снова выпрямилась и уплыла вдаль.

— Послушай, рыба! — сказал ей старик. — Ведь тебе все равно умирать. Зачем же тебе надо, чтобы и я тоже умер?

«Этак мне ничего не добиться», — подумал старик. Во рту у него так пересохло, что он больше не мог говорить, и не было сил дотянуться до бутылки с водой. «На этот раз я должен подтащить ее к лодке, — подумал он. — Надолго меня не хватит». — «Нет, хватит, — возразил он себе. — Тебя, старик, хватит навеки».

Во время следующего круга старик чуть было ее не достал, но рыба снова выпрямилась и медленно поплыла прочь.

«Ты губишь меня, рыба, — думал старик. — Это, конечно, твое право. Ни разу в жизни я не видел существа более громадного, прекрасного, спокойного и благородного, чем ты. Ну что же, убей меня. Мне уже все равно, кто кого убьет».

«Опять у тебя путается в голове, старик! А голова у тебя должна быть ясная. Приведи свои мысли в порядок и постарайся переносить стра-

дания, как человек… Или как рыба», — мысленно добавил он.

— А ну-ка, голова, работай, — сказал он так тихо, что едва услышал свой голос. — Работай, говорят тебе.

Еще два круга все оставалось по-прежнему.

«Что делать? — думал старик. Всякий раз, когда рыба уходила, ему казалось, что он теряет сознание. — Что делать? Попробую еще раз».

Он сделал еще одну попытку и почувствовал, что теряет сознание, но он все-таки перевернул рыбу на спину. Потом рыба перевернулась обратно и снова медленно уплыла прочь, помахивая в воздухе своим громадным хвостом.

«Попробую еще раз», — пообещал старик, хотя руки у него совсем ослабли и перед глазами стоял туман.

Он попробовал снова, и рыба снова ушла. «Ах, так? — подумал он и сразу же почувствовал, как жизнь в нем замирает. — Я попробую еще раз».

Он собрал всю свою боль, и весь остаток своих сил, и всю свою давно утраченную гордость и кинул их на поединок с муками, которые терпела рыба, и тогда она перевернулась на бок и тихонько поплыла на боку, едва-едва не доставая мечом до обшивки лодки; она чуть было не проплыла

мимо, длинная, широкая, серебряная, перевитая фиолетовыми полосами, и казалось, что ей не будет конца.

Старик кинул лесу, наступил на нее ногой, поднял гарпун так высоко, как только мог, и изо всей силы, которая у него была и которую он сумел в эту минуту собрать, вонзил гарпун рыбе в бок, как раз позади ее громадного грудного плавника, высоко вздымавшегося над морем до уровня человеческой груди. Он почувствовал, как входит железо в мякоть, и, упершись в гарпун, всаживал его все глубже и глубже, помогая себе всей тяжестью своего тела.

И тогда рыба ожила, хоть и несла уже в себе смерть, — она высоко поднялась над водой, словно хвастая своей огромной длиной и шириной, всей своей красой и мощью. Казалось, что она висит в воздухе над стариком и лодкой. Потом она грохнулась в море, залив потоками воды и старика, и всю его лодку.

Старика одолела слабость и дурнота; он почти ничего не видел. Но, опустив бечеву гарпуна, он стал медленно перебирать ее в изрезанных руках, а когда зрение вернулось, он увидел, что рыба лежит на спине, серебряным брюхом кверху. Рукоятка гарпуна торчала наискось из ее спины,

а море вокруг было окрашено кровью ее сердца. Сначала пятно было темное, словно голубую воду на целую милю вглубь заполнила стая рыб. Потом пятно расплылось и стало похоже на облако. Серебристая рыба тихо покачивалась на волнах.

Старик не сводил с нее глаз, пока зрение у него опять не затуманилось. Тогда он дважды обмотал веревку гарпуна о битенг и опустил голову на руки.

«Что же это с моей головой? — сказал он, прижавшись лицом к обшивке носа. — Я старый человек, и я очень устал. Но я все-таки убил эту рыбу, которая мне дороже брата, и теперь мне осталось сделать черную работу.

Теперь я должен приготовить веревку и связать ее в петли, чтобы принайтовить рыбу к лодке. Даже если бы нас было двое и мы затопили бы лодку, чтобы погрузить в нее рыбу, а потом вычерпали воду, — все равно лодка не выдержала бы такой тяжести. Я должен подготовить все, что нужно, а потом подтянуть рыбу к борту, привязать ее накрепко к лодке, поставить парус и отправиться восвояси».

Он стал подтягивать рыбу к борту, чтобы, пропустив веревку через жабры и через пасть, привязать ее голову к носу.

«Мне хочется посмотреть на нее, — подумал он, — потрогать ее, почувствовать, что же это за рыба. Ведь она — мое богатство. Но я не поэтому хочу ее потрогать. Мне кажется, что я уже дотронулся до ее сердца, — думал он, — тогда, когда я вонзил в нее гарпун до самого конца. Ладно, подтяни ее поближе, привяжи, надень петлю ей на хвост, а другую перекинь вокруг туловища, чтобы получше приладить ее к лодке».

— Ну, старик, за работу, — сказал он себе и отпил маленький глоток воды. — Теперь, когда битва окончена, осталась еще уйма черной работы.

Старик посмотрел на небо, потом на рыбу. Он глядел на солнце очень внимательно. «Сейчас едва перевалило за полдень. А пассат крепчает. Лесы чинить теперь бесполезно. Мы с мальчиком срастим их дома».

— Подойди-ка сюда, рыба!

Но рыба его не послушалась. Она безмятежно покачивалась на волнах, и старику пришлось самому подвести к ней лодку.

Когда он подошел к ней вплотную и голова рыбы пришлась вровень с носом лодки, старик снова поразился ее величиной. Но он отвязал гарпунную веревку от битенга, пропустил ее через

жабры рыбы, вывел конец через пасть, обкрутил его вокруг меча, потом снова пропустил веревку через жабры, опять накрутил на меч и, связав двойным узлом, привязал к битенгу. Перерезав веревку, он перешел на корму, чтобы петлей закрепить хвост. Цвет рыбы из фиолетово-серебристого превратился в чистое серебро, а полосы стали такими же бледно-сиреневыми, как хвост. Полосы эти были шире растопыренной мужской руки, а глаз рыбы был таким же отрешенным, как зеркало перископа или как лики святых во время крестного хода.

— Я не мог ее убить по-другому, — сказал старик.

Выпив воды, он почувствовал себя куда лучше. Теперь он знал, что не потеряет сознания, и в голове у него прояснилось. «Она весит не меньше полутонны, — подумал он. — А может быть, и значительно больше». Сколько же он получит, если мяса выйдет две трети этого веса по тридцати центов за фунт?

— Без карандаша не сочтешь, — сказал старик. — Для этого нужна ясная голова. Но я думаю, что великий Ди Маджио мог бы сегодня мною гордиться.

Правда, у меня не было костной мозоли. Но

руки и спина у меня здорово болели. Интересно, что такое костная мозоль? Может, и у нас она есть, да только мы этого не подозреваем?

Старик привязал рыбу к носу, к корме и к сиденью. Она была такая громадная, что ему показалось, будто он прицепил лодку к борту большого корабля. Отрезав кусок бечевы, он подвязал нижнюю челюсть рыбы к ее мечу, чтобы рот не открывался и было легче плыть. Потом он поставил мачту, приспособил палку вместо гафеля, натянул шкот. Залатанный парус надулся, лодка двинулась вперед, и старик, полулежа на корме, поплыл на юго-запад.

Старику не нужен был компас, чтобы определить, где юго-запад. Ему достаточно было чувствовать, куда дует пассат и как надувается парус. «Пожалуй, стоило бы забросить удочку — не поймаю ли я на блесну какую-нибудь рыбешку, а то ведь мне нечего есть». Но он не нашел блесны, а сардины протухли. Тогда он подцепил багром пук желтых водорослей, мимо которого они проплывали, и потряс его; оттуда высыпались в лодку маленькие креветки. Их было больше дюжины, и они прыгали и перебирали ножками, словно земляные блохи. Старик двумя пальцами оторвал им головки и съел целиком,

разжевывая скорлупу и хвост. Креветки были крошечные, но старик знал, что они очень питательные, и к тому же очень вкусные.

В бутылке еще оставалось немного воды, и, поев креветок, старик отпил от нее четвертую часть.

Лодка шла хорошо, несмотря на сопротивление, которое ей приходилось преодолевать, и старик правил, придерживая румпель локтем. Ему все время была видна рыба, а стоило ему взглянуть на свои руки или дотронуться до лодки спиной — и он чувствовал, что все это не было сном и случилось с ним на самом деле. Одно время, уже к самому концу, когда ему стало дурно, старику вдруг показалось, что все это только сон. Да и потом, когда он увидел, как рыба вышла из воды и, прежде чем упасть в нее снова, неподвижно повисла в небе, ему почудилась во всем этом какая-то удивительная странность, и он не поверил своим глазам. Правда, тогда он и видел-то совсем плохо, а теперь глаза у него опять были в порядке.

Теперь он знал, что рыба существует на самом деле и что боль в руках и в спине — это тоже не сон. «Руки заживают быстро, — подумал он. — Я пустил достаточно крови, чтобы не загрязнить раны, а соленая вода их залечит. Темная вода

залива — лучший в мире целитель. Только бы не путались мысли! Руки свое дело сделали, и лодка идет хорошо. Рот у рыбы закрыт, хвост она держит прямо, мы плывем с ней рядом, как братья». В голове у него снова немножко помутилось, и он подумал: «А кто же кого везет домой — я ее или она меня? Если бы я тащил ее на буксире, все было бы ясно. Или если бы она лежала в лодке, потеряв все свое достоинство, все тоже было бы ясно. Но ведь мы плывем рядом, накрепко связанные друг с другом. Ну и пожалуйста, пусть она меня везет, если ей так нравится. Я ведь взял над нею верх только хитростью; она не замышляла против меня никакого зла».

Они плыли и плыли, и старик полоскал руки в соленой воде и старался, чтобы мысли у него не путались. Кучевые облака шли высоко, над ними плыли перистые; старик знал, что ветер будет дуть всю ночь. Он то и дело поглядывал на рыбу, чтобы проверить, в самом ли деле она ему не приснилась. Прошел целый час, прежде чем его настигла первая акула.

Акула догнала его не случайно. Она выплыла из самой глубины океана, когда темное облако рыбьей крови сгустилось, а потом разошлось по воде глубиной в целую милю. Она всплыла быст-

ро, без всякой опаски, разрезала голубую гладь моря и вышла на солнце. Потом она снова ушла в воду, снова почуяла запах крови и поплыла по следу, который оставляли за собой лодка и рыба.

Порою она теряла след. Но она либо попадала на него снова, либо чуяла едва слышный его запах и преследовала его неотступно. Это была очень большая акула породы мако, созданная для того, чтобы плавать так же быстро, как плавает самая быстрая рыба в море, и все в ней было красиво, кроме пасти. Спина у нее была такая же голубая, как у меч-рыбы, брюхо серебряное, а кожа гладкая и красивая, и вся она была похожа на меч-рыбу, если не считать огромных челюстей, которые сейчас были плотно сжаты. Она быстро плыла у самой поверхности моря, легко прорезая воду своим высоким спинным плавником. За плотно сжатыми двойными губами ее пасти в восемь рядов шли косо посаженные зубы. Они были не похожи на обычные пирамидальные зубы большинства акул, а напоминали человеческие пальцы, скрюченные, как звериные когти. Длиною они не уступали пальцам старика, а по бокам были остры, как лезвия бритвы. Акула была создана, чтобы питаться всеми морскими рыбами, даже такими подвижными, сильными и

хорошо вооруженными, что никакой другой враг им не был страшен. Сейчас она спешила, чуя, что добыча уже близко, и ее синий спинной плавник так и резал воду.

Когда старик ее увидел, он понял, что эта акула ничего не боится и поступит так, как ей заблагорассудится. Он приготовил гарпун и закрепил конец его веревки, поджидая, чтобы акула подошла ближе. Веревка была коротка, потому что он отрезал от нее кусок, когда привязывал свою рыбу.

В голове у старика теперь совсем прояснилось, и он был полон решимости, хотя и не тешил себя надеждой.

«Дело шло уж больно хорошо, так не могло продолжаться», — думал он.

Наблюдая за тем, как подходит акула, старик кинул взгляд на большую рыбу. «Лучше бы, пожалуй, все это оказалось сном. Я не могу помешать ей напасть на меня, но, может быть, я смогу ее убить? Dentuso,[4] — подумал он. — Чума на твою мать!»

Акула подплыла к самой корме, и когда она кинулась на рыбу, старик увидел ее разинутую

---

[4] Примечания: 4
Вид акулы *(исп.)*.

пасть и необыкновенные глаза и услышал, как щелкнули челюсти, вонзившись в рыбу чуть повыше хвоста. Голова акулы возвышалась над водой, вслед за головой показалась и спина, и старик, слыша, как акульи челюсти с шумом раздирают кожу и мясо большой рыбы, всадил свой гарпун ей в голову в том месте, где линия, соединяющая ее глаза, перекрещивается с линией, уходящей вверх от ее носа. На самом деле таких линий не было. Была только тяжелая, заостренная голубая голова, большие глаза и лязгающая, выпяченная, всеядная челюсть. Но в этом месте у акулы находится мозг, и старик ударил в него своим гарпуном. Он изо всех сил ударил в него гарпуном, зажатым в иссеченных до крови руках. Он ударил в него, ни на что не надеясь, но с решимостью и яростной злобой.

Акула перевернулась, и старик увидел ее потухший глаз, а потом она перевернулась снова, дважды обмотав вокруг себя веревку. Старик понял, что акула мертва, но сама она не хотела с этим мириться. Лежа на спине, она била хвостом и лязгала челюстями, вспенивая воду, как гоночная лодка. Море там, где она взбивала его хвостом, было совсем белое. Туловище акулы поднялось на три четверти над водой, веревка

натянулась, задрожала и наконец лопнула. Акула полежала немножко на поверхности, и старик все глядел на нее. Потом очень медленно она погрузилась в воду.

— Она унесла с собой около сорока фунтов рыбы, — вслух сказал старик.

«Она утащила на дно и мой гарпун, и весь остаток веревки, — прибавил он мысленно, — а из рыбы снова течет кровь, и вслед за этой акулой придут другие».

Ему больше не хотелось смотреть на рыбу теперь, когда ее так изуродовали. Когда акула кинулась на рыбу, ему показалось, что она кинулась на него самого.

«Но я все-таки убил акулу, которая напала на мою рыбу, — подумал он. — И это была самая большая dentuso, какую я когда-либо видел. А мне, ей-богу, пришлось повстречать на своем веку немало больших акул.

Дела мои шли слишком хорошо. Дольше так не могло продолжаться. Хотел бы я, чтобы все это было сном: я не поймал никакой рыбы, а сплю себе один на кровати, застеленной газетами».

— Но человек не для того создан, чтобы терпеть поражения, — сказал он. — Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

«Жаль все-таки, что я убил рыбу, — подумал он. — Мне придется очень тяжко, а я лишился даже гарпуна. Dentuso — животное ловкое и жестокое, умное и сильное. Но я оказался умнее его. А может быть, и не умнее. Может быть, я был просто лучше вооружен».

— Не нужно думать, старик, — сказал он вслух. — Плыви по ветру и встречай беду, когда она придет.

«Нет, я должен думать, — мысленно возразил он себе. — Ведь это все, что мне осталось. Это и бейсбол. Интересно, понравилось бы великому Ди Маджио, как я ударил акулу прямо в мозг? В общем, ничего в этом не было особенного — любой мог сделать не хуже. Но как ты думаешь, старик: твои руки мешали тебе больше, чем костная мозоль? Почем я знаю! У меня никогда ничего не случалось с пятками, только один раз меня ужалил в пятку электрический скат, когда я наступил на него во время купанья; у меня тогда парализовало ногу до колена, и боль была нестерпимая».

— Подумай лучше о чем-нибудь веселом, старик, — сказал он вслух. — С каждой минутой ты теперь все ближе и ближе к дому. Да и плыть тебе стало легче с тех пор, как ты потерял сорок

фунтов рыбы.

Он отлично знал, что его ожидает, когда он войдет в самую середину течения. Но делать теперь уже было нечего.

— Неправда, у тебя есть выход, — сказал он. — Ты можешь привязать свой нож к рукоятке одного из весел.

Он так и сделал, держа румпель под мышкой и наступив на веревку от паруса ногой.

— Ну вот, — сказал он. — Я хоть и старик, но, по крайней мере, я не безоружен.

Дул свежий ветер, и лодка быстро шла вперед. Старик смотрел только на переднюю часть рыбы, и к нему вернулась частица надежды.

«Глупо терять надежду, — думал он. — К тому же, кажется, это грех. Не стоит думать о том, что грех, а что не грех. На свете есть о чем подумать и без этого. Сказать правду, я в грехах мало что понимаю.

Не понимаю и, наверно, в них не верю. Может быть, грешно было убивать рыбу. Думаю, что грешно, хоть я и убил ее для того, чтобы не умереть с голоду и накормить еще уйму людей. В таком случае все, что ты делаешь, грешно. Нечего раздумывать над тем, что грешно, а что не грешно. Сейчас уже об этом поздно думать, да к

тому же пусть грехами занимаются те, кому за это платят. Пусть они раздумывают о том, что такое грех. Ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой. Святой Петр тоже был рыбаком, так же как и отец великого Ди Маджио».

Но он любил поразмыслить обо всем, что его окружало, и так как ему нечего было читать и у него не было радио, он много думал, в том числе и о грехе. «Ты убил рыбу не только для того, чтобы продать ее другим и поддержать свою жизнь, — думал он. — Ты убил ее из гордости и потому, что ты — рыбак. Ты любил эту рыбу, пока она жила, и сейчас любишь. Если кого-нибудь любишь, его не грешно убить. А может быть, наоборот, еще более грешно?»

— Ты слишком много думаешь, старик, — сказал он вслух.

«Но ты с удовольствием убивал dentuso, — подумал старик. — А она, как и ты, кормится, убивая рыбу. Она не просто пожирает падаль и не просто ненасытная утроба, как многие другие акулы. Она — красивое и благородное животное, которое не знает, что такое страх».

— Я убил ее, защищая свою жизнь, — сказал старик вслух. — И я убил ее мастерски.

«К тому же, — подумал он, — все так или иначе убивают кого-нибудь или что-нибудь. Рыбная ловля убивает меня точно так же, как и не дает мне умереть. Мальчик — вот кто не дает мне умереть. Не обольщайся, старик».

Он перегнулся через борт и оторвал от рыбы кусок мяса в том месте, где ее разгрызла акула. Он пожевал мясо, оценивая его качество и вкус. Мясо было твердое и сочное, как говядина, хоть и не красное. Оно не было волокнистым, и старик знал, что за него дадут на рынке самую высокую цену. Но его запах уносило с собой море, и старик не мог этому помешать. Он понимал, что ему придется нелегко.

Ветер не ослабевал; он слегка отклонился дальше на северо-восток, и это означало, что он не прекратится. Старик смотрел вдаль, но не видел ни парусов, ни дымка или корпуса какого-нибудь судна. Только летучие рыбы поднимались из моря и разлетались в обе стороны от носа его лодки да желтели островки водорослей. Не было даже птиц.

Он плыл уже два часа, полулежа на корме, пожевывая рыбье мясо и стараясь поскорее набраться сил и отдохнуть, когда заметил первую из двух акул.

— Ай! — произнес старик слово, не имеющее смысла, скорее звук, который невольно издает человек, чувствуя, как гвоздь, пронзив его ладонь, входит в дерево.

— Galanos,[5] — сказал он вслух.

Он увидел, как за первым плавником из воды показался другой, и по этим коричневым треугольным плавникам, так же как и по размашистому движению хвоста, понял, что это широконосые акулы. Они почуяли запах рыбы, взволновались и, совсем одурев от голода, то теряли, то вновь находили этот заманчивый запах. Но они с каждой минутой приближались.

Старик намертво закрепил шкот и заклинил руль. Потом он поднял весло с привязанным к нему ножом. Он поднял весло совсем легонько, потому что руки его нестерпимо болели. Он сжимал и разжимал пальцы, чтобы хоть немножко их размять. Потом ухватился за весло крепче, чтобы заставить руки сразу почувствовать боль в полную меру и уже больше не отвиливать от работы, и стал наблюдать за тем, как подплывают акулы. Он видел их приплюснутые, широконосые головы и большие, отороченные белым грудные

---

[5] Примечания: 5
Вид акулы *(исп.)*.

плавники. Это были самые гнусные из всех акул — вонючие убийцы, пожирающие и падаль; когда их мучит голод, они готовы укусить и весло, и руль лодки. Такие акулы откусывают лапы у черепах, когда те засыпают на поверхности моря, а сильно оголодав, набрасываются в воде и на человека, даже если от него не пахнет рыбьей кровью или рыбьей слизью.

— Ай! — сказал старик. — Ну что ж, плывите сюда, galanos.

И они приплыли. Но они приплыли не так, как приплыла мако. Одна из них, сверкнув, скрылась под лодкой, и старик почувствовал, как лодка задрожала, когда акула рвала рыбу. Другая следила за стариком своими узкими желтыми глазками, затем, широко разинув полукружье пасти, кинулась на рыбу в том самом месте, где ее обглодала мако. Старику была ясно видна линия, бегущая с верхушки ее коричневой головы на спину, где мозг соединяется с хребтом, и он ударил ножом, надетым на весло, как раз в это место; потом вытащил нож и всадил его снова в желтые кошачьи глаза акулы. Акула, издыхая, отвалилась от рыбы и скользнула вниз, доглатывая то, что откусила.

Лодка все еще дрожала от той расправы, которую вторая акула чинила над рыбой, и старик,

отпустив парус, дал лодке повернуться боком, чтобы выманить из-под нее акулу. Увидев ее, он перегнулся через борт и ткнул ее ножом. Он попал ей в мякоть, а жесткая кожа не дала ножу проникнуть глубже. От удара у старика заболели не только руки, но и плечо. Но акула, выставив из воды пасть, бросилась на рыбу снова, и тогда старик ударил ее в самую середину приплюснутой головы. Он вытащил лезвие и вонзил его в то же самое место вторично. Акула все еще висела на рыбе, плотно сжав челюсти, и старик вонзил ей нож в левый глаз. Акула по-прежнему держалась за рыбу.

— Ах, ты так? — сказал старик и вонзил нож между мозгом и позвонками.

Сейчас это было нетрудно, и он почувствовал, что рассек хрящ. Старик повернул весло другим концом и всунул его акуле в пасть, чтобы разжать ей челюсти. Он повертел веслом и, когда акула соскользнула с рыбы, сказал:

— Ступай вниз, galano. Ступай вниз на целую милю. Повидайся там со своим дружком. А может быть, это была твоя мать?

Он вытер лезвие ножа и положил весло в лодку. Потом поставил парус и, когда его надуло ветром, повернул лодку на прежний курс.

— Они, наверно, унесли с собой не меньше четверти рыбы, и притом самое лучшее мясо, — сказал он вслух. — Хотел бы я, чтобы все было сном и я не ловил этой рыбы. Мне жалко, рыба, что так нехорошо получилось.

Старик замолчал, ему не хотелось теперь глядеть на рыбу. Обескровленная и вымоченная в воде, она по цвету напоминала амальгаму, которой покрывают зеркало, но полосы все еще были заметны.

— Мне не следовало уходить так далеко в море, — сказал он. — Мне очень жаль, рыба, что все так плохо получилось. И для тебя и для меня!

«Ну-ка, не зевай! — сказал он себе. — Проверь, не перерезана ли веревка, которой прикреплен нож. И приведи свою руку в порядок, потому что работа еще не кончена».

— Жаль, что у меня нет точила для ножа, — сказал старик, проверив веревку на рукоятке весла. — Надо было мне захватить с собой точило.

«Тебе много чего надо было захватить с собой, старик, — подумал он. — Да вот не захватил. Теперь не время думать о том, чего у тебя нет. Подумай о том, как бы обойтись с тем, что есть».

— Ух, и надоел же ты мне со своими совета-

ми! — сказал он вслух.

Он сунул румпель под мышку и окунул обе руки в воду.

Лодка плыла вперед.

— Один бог знает, сколько сожрала та последняя акула, — сказал он. — Но рыба стала легче.

Ему не хотелось думать об ее изуродованном брюхе. Он знал, что каждый толчок акулы об лодку означал кусок оторванного мяса и что рыба теперь оставляет в море след, широкий, как шоссейная дорога, и доступный всем акулам на свете.

«Такая рыба могла прокормить человека всю зиму… Не думай об этом, старик! Отдыхай и постарайся привести свои руки в порядок, чтобы защитить то, что у тебя еще осталось. Запах крови от моих рук — ничто по сравнению с тем запахом, который идет теперь по воде от рыбы. Да из рук кровь почти и не течет. На них нет глубоких порезов. А небольшое кровопускание предохранит левую руку от судороги.

О чем бы мне сейчас подумать? Ни о чем. Лучше мне ни о чем не думать и подождать новых акул. Хотел бы я, чтобы это и в самом деле было сном. Впрочем, как знать? Все еще может обернуться к лучшему».

Следующая акула явилась в одиночку и была тоже из породы широконосых.

Она подошла, словно свинья к своему корыту, только у свиньи нет такой огромной пасти, чтобы разом откусить человеку голову.

Старик дал ей вцепиться в рыбу, а потом ударил ее ножом, надетым на весло, по голове. Но акула рванулась назад, перекатываясь на спину, и лезвие ножа сломалось.

Старик уселся за руль. Он даже не стал смотреть, как медленно тонет акула, становясь все меньше, а потом и совсем крошечной. Зрелище это всегда его захватывало. Но теперь он не захотел смотреть.

— У меня остался багор, — сказал он. — Но какой от него толк? У меня есть еще два весла, румпель и дубинка.

«Вот теперь они меня одолели, — подумал он. — Я слишком стар, чтобы убивать акул дубинкой. Но я буду сражаться с ними, покуда у меня есть весла, дубинка и румпель».

Он снова окунул руки в соленую воду.

Близился вечер, и кругом было видно лишь небо да море. Ветер дул сильнее, чем прежде, и он надеялся, что скоро увидит землю.

— Ты устал, старик, — сказал он. — Душа у тебя

устала.

Акулы напали на него снова только перед самым заходом солнца.

Старик увидел, как движутся коричневые плавники по широкому следу, который рыба теперь уже, несомненно, оставляла за собой в море. Они даже не рыскали по этому следу, а шли рядышком прямо на лодку.

Старик заклинил румпель, подвязал парус и достал из-под кормы дубинку. Это была отпиленная часть сломанного весла длиной около двух с половиной футов. Он мог ухватить ее как следует только одной рукой, там, где была рукоятка, и он крепко взял ее в правую руку и помотал кистью, ожидая, когда подойдут акулы. Их было две, и обе они были galanos.

«Мне надо дождаться, пока первая крепко уцепится за рыбу, — подумал он, — тогда я ударю ее по кончику носа или прямо по черепу».

Обе акулы подплыли вместе, и когда та, что была поближе, разинула пасть и вонзила зубы в серебристый бок рыбы, старик высоко поднял дубинку и тяжело опустил ее на плоскую голову акулы. Рука его почувствовала упругую твердость, но она почувствовала и непроницаемую крепость кости, и старик снова с силой ударил

акулу по кончику носа. Акула соскользнула в воду.

Другая акула уже успела поживиться и отплыть, а теперь опять подплыла с широко разинутой пастью. Перед тем как она, кинувшись на рыбу, вцепилась в нее, старик увидел белые лоскутья мяса, приставшие к ее челюстям. Старик размахнулся, но попал только по голове, и акула, взглянув на него, вырвала из рыбы кусок мяса. Когда она отвалилась, чтобы проглотить этот кусок, старик ударил ее снова, но удар опять пришелся по твердой, упругой поверхности ее головы.

— Ну-ка, подойди поближе, galano, — сказал старик. — Подойди еще разок!

Акула стремглав кинулась на рыбу, и старик ударил ее в то мгновенье, когда она защелкнула пасть. Он ударил ее изо всех сил, подняв как можно выше свою дубинку. На этот раз он попал в кость у основания черепа и ударил снова по тому же самому месту. Акула вяло оторвала от рыбы кусок мяса и соскользнула в воду.

Старик ждал, не появятся ли акулы снова, но их больше не было видно. Потом он заметил, как одна из них кружит возле лодки. Плавник другой акулы исчез вовсе.

«Я и не рассчитывал, что могу их убить, — поду-

мал старик. — Раньше бы мог. Однако я их сильно покалечил обеих, и они вряд ли так уж хорошо себя чувствуют. Если бы я мог ухватить дубинку обеими руками, я убил бы первую наверняка. Даже и теперь, в мои годы».

Ему не хотелось смотреть на рыбу. Он знал, что половины ее не стало. Пока он воевал с акулами, солнце совсем зашло.

— Скоро стемнеет, — сказал он. — Тогда я, наверно, увижу зарево от огней Гаваны. Если я отклонился слишком далеко на восток, я увижу огни одного из новых курортов.

«Я не могу быть очень далеко от берега, — подумал старик. — Надеюсь, что они там зря не волнуются. Волноваться, впрочем, может только мальчик. Но он-то во мне не сомневается! Рыбаки постарше — те, наверно, тревожатся. Да и молодые тоже, — думал он. — Я ведь живу среди хороших людей».

Он не мог больше разговаривать с рыбой: уж очень она была изуродована. Но вдруг ему пришла в голову новая мысль.

— Полрыбы! — позвал он ее. — Бывшая рыба! Мне жалко, что я ушел так далеко в море. Я погубил нас обоих. Но мы с тобой уничтожили много акул и покалечили еще больше. Тебе немало,

верно, пришлось убить их на своем веку, старая рыба? Ведь не зря у тебя из головы торчит твой меч.

Ему нравилось думать о рыбе и о том, что она могла бы сделать с акулой, если бы свободно плыла по морю.

«Надо было мне отрубить ее меч, чтобы сражаться им с акулами», — думал он. Но у него не было топора, а теперь уже не было и ножа.

«Но если бы у меня был ее меч, я мог бы привязать его к рукоятке весла — замечательное было бы оружие! Вот тогда бы мы с ней и в самом деле сражались бок о бок! А что ты теперь станешь делать, если они придут ночью? Что ты можешь сделать?»

— Драться, — сказал он, — драться, пока не умру.

Но в темноте не было видно ни огней, ни зарева — были только ветер да надутый им парус, и ему вдруг показалось, что он уже умер. Он сложил руки вместе и почувствовал свои ладони. Они не были мертвы, и он мог вызвать боль, а значит, и жизнь, просто сжимая и разжимая их. Он прислонился к корме и понял, что жив. Об этом ему сказали его плечи.

«Мне надо прочесть все те молитвы, которые я

обещался прочесть, если поймаю рыбу, — подумал он. — Но сейчас я слишком устал. Возьму-ка я лучше мешок и прикрою плечи».

Лежа на корме, он правил лодкой и ждал, когда покажется в небе зарево от огней Гаваны. «У меня осталась от нее половина, — думал он. — Может быть, мне посчастливится, и я довезу до дому хоть ее переднюю часть. Должно же мне наконец повезти!.. Нет, — сказал он себе. — Ты надругался над собственной удачей, когда зашел так далеко в море».

«Не болтай глупостей, старик! — прервал он себя. — Не спи и следи за рулем. Тебе еще может привалить счастье».

— Хотел бы я купить себе немножко счастья, если его где-нибудь продают, — сказал старик.

«А на что ты его купишь? — спросил он себя. — Разве его купишь на потерянный гарпун, сломанный нож и покалеченные руки?

Почем знать! Ты ведь хотел купить счастье за восемьдесят четыре дня, которые ты провел в море. И, между прочим, тебе его чуть было не продали…

Не нужно думать о всякой ерунде. Счастье приходит к человеку во всяком виде, разве его узнаешь? Я бы, положим, взял немножко счастья

в каком угодно виде и заплатил за него все, что спросят. Хотел бы я увидеть зарево Гаваны, — подумал он. — Ты слишком много хочешь сразу, старик. Но сейчас я хочу увидеть огни Гаваны — и ничего больше».

Он попробовал примоститься у руля поудобнее и по тому, как усилилась боль, понял, что он и в самом деле не умер.

Он увидел зарево городских огней около десяти часов вечера. Вначале оно казалось только бледным сиянием в небе, какое бывает перед восходом луны. Потом огни стали явственно видны за полосой океана, по которому крепчавший ветер гнал высокую волну. Он правил на эти огни и думал, что скоро, теперь уже совсем скоро войдет он в Гольфстрим.

«Ну, вот и все, — думал он. — Конечно, они нападут на меня снова. Но что может сделать с ними человек в темноте голыми руками?»

Все его тело ломило и саднило, а ночной холод усиливал боль его ран и натруженных рук и ног. «Надеюсь, мне не нужно будет больше сражаться, — подумал он. — Только бы мне больше не сражаться!»

Но в полночь он сражался с акулами снова — и на этот раз знал, что борьба бесполезна. Они напа-

ли на него целой стаей, а он видел лишь полосы на воде, которые прочерчивали их плавники, и свет, который они излучали, когда кидались рвать рыбу. Он бил дубинкой по головам и слышал, как лязгают челюсти и как сотрясается лодка, когда они хватают рыбу снизу. Он отчаянно бил дубинкой по чему-то невидимому, что мог только слышать и осязать, и вдруг почувствовал, как дубинки не стало.

Он вырвал румпель из гнезда и, держа его обеими руками, бил и колотил им, нанося удар за ударом. Но акулы уже были у самого носа лодки и набрасывались на рыбу одна за другой и все разом, отдирая от нее куски мяса, которые светились в море; акулы разворачивались снова, чтобы снова накинуться на свою добычу.

Одна из акул подплыла наконец к самой голове рыбы, и тогда старик понял, что все кончено. Он ударил румпелем по носу акулы, там, где ее зубы застряли в крепких костях рыбьей головы. Ударил раз, другой и третий. Услышав, как затрещал и раскололся румпель, он стукнул акулу расщепленной рукояткой. Старик почувствовал, как дерево вонзилось в мясо, и, зная, что обломок острый, ударил акулу снова. Она бросила рыбу и отплыла подальше. То была последняя акула

из напавшей на него стаи. Им больше нечего было есть.

Старик едва дышал и чувствовал странный привкус во рту. Привкус был сладковатый и отдавал медью, и на минуту старик испугался. Но скоро все прошло. Он сплюнул в океан и сказал:

— Ешьте, galanos, давитесь! И пусть вам приснится, что вы убили человека.

Старик знал, что теперь уже он побежден окончательно и непоправимо, и, вернувшись на корму, обнаружил, что обломок румпеля входит в рулевое отверстие и что им, на худой конец, тоже можно править.

Накинув мешок на плечи, он поставил лодку на курс. Теперь она шла легко, и старик ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Теперь ему было все равно, лишь бы поскорее и получше привести лодку к родному берегу. Ночью акулы накинулись на обглоданный остов рыбы, словно обжоры, хватающие объедки со стола. Старик не обратил на них внимания. Он ни на что больше не обращал внимания, кроме своей лодки. Он только ощущал, как легко и свободно она идет теперь, когда ее больше не тормозит огромная тяжесть рыбы.

«Хорошая лодка, — подумал он. — Она цела и

невредима, если не считать румпеля. А румпель нетрудно поставить новый».

Старик чувствовал, что вошел в теплое течение, и ему были видны огни прибрежных поселков. Он знал, где он находится, и добраться до дому теперь не составляло никакого труда.

«Ветер — он-то уж наверняка нам друг, — подумал он, а потом добавил: — Впрочем, не всегда. И огромное море — оно тоже полно и наших друзей, и наших врагов. А постель… — думал он, — постель — мой друг. Вот именно, обыкновенная постель. Лечь в постель — это великое дело. А как легко становится, когда ты побежден! — подумал он. — Я и не знал, что это так легко… Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя… — Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море».

Когда он входил в маленькую бухту, огни на Террасе были погашены, и старик понял, что все уже спят. Ветер беспрерывно крепчал и теперь дул очень сильно. Но в гавани было тихо, и старик пристал к полосе гальки под скалами. Помочь ему было некому, и он подгреб как можно ближе. Потом вылез из лодки и привязал ее к скале.

Сняв мачту, он скатал на нее парус и завязал его. Потом взвалил мачту на плечо и двинулся

в гору. Вот тогда-то он понял всю меру своей усталости. На мгновение он остановился и, оглянувшись, увидел в свете уличного фонаря, как высоко вздымается за кормой лодки огромный хвост рыбы. Он увидел белую обнаженную линию ее позвоночника и темную тень головы с выдающимся вперед мечом.

Старик снова начал карабкаться вверх. Одолев подъем, он упал и полежал немного с мачтой на плече. Потом постарался встать на ноги, но это было нелегко, и он так и остался сидеть, глядя на дорогу. Пробежала кошка, направляясь по своим делам, и старик долго смотрел ей вслед; потом стал глядеть на пустую дорогу.

Наконец он сбросил мачту наземь и встал. Подняв мачту, он снова взвалил ее на плечо и пошел вверх по дороге. По пути к своей хижине ему пять раз пришлось отдыхать.

Войдя в дом, он прислонил мачту к стене. В темноте он нашел бутылку с водой и напился. Потом лег на кровать. Он натянул одеяло на плечи, прикрыл им спину и ноги и заснул, уткнувшись лицом в газеты и вытянув руки ладонями вверх.

Он спал, когда утром в хижину заглянул мальчик. Ветер дул так сильно, что лодки не вышли в море, и мальчик проспал, а потом пришел в

хижину старика, как приходил каждое утро. Мальчик убедился в том, что старик дышит, но потом увидел его руки и заплакал. Он тихонько вышел из хижины, чтобы принести кофе, и всю дорогу плакал.

Вокруг лодки собралось множество рыбаков, и все они рассматривали то, что было к ней привязано; один из рыбаков, закатав штаны, стоял в воде и мерил скелет веревкой.

Мальчик не стал к ним спускаться; он уже побывал внизу, и один из рыбаков пообещал ему присмотреть за лодкой.

— Как он себя чувствует? — крикнул мальчику один из рыбаков.

— Спит, — отозвался мальчик. Ему было все равно, что они видят, как он плачет. — Не надо его тревожить.

— От носа до хвоста в ней было восемнадцать футов! — крикнул ему рыбак, который мерил рыбу.

— Не меньше, — сказал мальчик.

Он вошел на Террасу и попросил банку кофе:

— Дайте мне горячего кофе и побольше молока и сахару.

— Возьми что-нибудь еще.

— Не надо. Потом я погляжу, что ему можно

будет есть.

— Ох, и рыба! — сказал хозяин. — Прямо-таки небывалая рыба. Но и ты поймал вчера две хорошие рыбы.

— Ну ее совсем, мою рыбу! — сказал мальчик и снова заплакал.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросил его хозяин.

— Не надо, — ответил мальчик. — Скажи им, чтобы они не надоедали Сантьяго. Я еще приду.

— Передай ему, что я очень сожалею.

— Спасибо, — сказал мальчик.

Мальчик отнес в хижину банку с горячим кофе и посидел около старика, покуда тот не проснулся. Один раз мальчику показалось, что он просыпается, но старик снова забылся в тяжелом сне, и мальчик пошел к соседям через дорогу, чтобы взять у них взаймы немного дров и разогреть кофе.

Наконец старик проснулся.

— Лежи, не вставай, — сказал ему мальчик. — Вот выпей! — Он налил ему кофе в стакан.

Старик взял у него стакан и выпил кофе.

— Они одолели меня, Манолин, — сказал он. — Они меня победили.

— Но сама-то она ведь не смогла тебя одолеть!

Рыба ведь тебя не победила!

— Нет. Что верно, то верно. Это уж потом случилось.

— Педрико обещал присмотреть за лодкой и за снастью. Что ты собираешься делать с головой?

— Пусть Педрико разрубит ее на приманку для сетей.

— А меч?

— Возьми его себе на память, если хочешь.

— Хочу, — сказал мальчик. — Теперь давай поговорим о том, что нам делать дальше.

— Меня искали?

— Конечно. И береговая охрана, и самолеты.

— Океан велик, а лодка совсем маленькая, ее и не заметишь, — сказал старик. Он почувствовал, как приятно, когда есть с кем поговорить, кроме самого себя и моря. — Я скучал по тебе, — сказал он. — Ты что-нибудь поймал?

— Одну рыбу в первый день. Одну во второй и две в третий.

— Прекрасно!

— Теперь мы опять будем рыбачить вместе.

— Нет. Я — несчастливый. Мне больше не везет.

— Да наплевать на это везенье! — сказал мальчик. — Я тебе принесу счастье.

— А что скажут твои родные?

— Не важно. Я ведь поймал вчера две рыбы. Но теперь мы будем рыбачить с тобой вместе, потому что мне еще многому надо научиться.

— Придется достать хорошую острогу и всегда брать ее с собой. Лезвие можно сделать из рессоры старого форда. Заточим его в Гуанабакоа. Оно должно быть острое, но без закалки, чтобы не сломалось. Мой нож, он весь сломался.

— Я достану тебе новый нож и заточу рессору. Сколько дней еще будет дуть сильный brisa?[6]

— Может быть, три. А может быть, и больше.

— К тому времени все будет в порядке, — сказал мальчик. — А ты пока что подлечи свои руки.

— Я знаю, что с ними делать. Ночью я выплюнул какую-то странную жидкость, и мне показалось, будто в груди у меня что-то разорвалось.

— Подлечи и это тоже, — сказал мальчик. — Ложись, старик, я принесу тебе чистую рубаху. И чего-нибудь поесть.

— Захвати какую-нибудь газету за те дни, что меня не было, — попросил старик.

— Ты должен поскорее поправиться, потому что я еще многому должен у тебя научиться, а ты

---

[6] Примечания: 6
Береговой ветер *(исп.).*

можешь научить меня всему на свете. Тебе было очень больно?

— Очень, — сказал старик.

— Я принесу еду и газеты. Отдохни, старик. Я возьму в аптеке какое-нибудь снадобье для твоих рук.

— Не забудь сказать Педрико, чтобы он взял себе голову рыбы.

— Не забуду.

Когда мальчик вышел из хижины и стал спускаться вниз по старой каменистой дороге, он снова заплакал.

В этот день на Террасу приехала группа туристов, и, глядя на то, как восточный ветер вздувает высокие валы у входа в бухту, одна из приезжих заметила среди пустых пивных жестянок и дохлых медуз длинный белый позвоночник с огромным хвостом на конце, который вздымался и раскачивался на волнах прибоя.

— Что это такое? — спросила она официанта, показывая на длинный позвоночник огромной рыбы, сейчас уже просто мусор, который скоро унесет отливом.

— Tiburón, — сказал официант. — Акулы. — Он хотел объяснить ей все, что произошло.

— Вот не знала, что у акул бывают такие краси-

вые, изящно выгнутые хвосты!

— Да, и я не знал, — согласился ее спутник.

Наверху, в своей хижине, старик опять спал. Он снова спал лицом вниз, и его сторожил мальчик. Старику снились львы.